

Людмила Рогочая

КУБАНСКИЙ ШЛЯХ

Исторический роман

Людмила Рогочая

Кубанский шлях.
Исторический роман

«Издательские решения»

Рогочая Л.

Кубанский шлях. Исторический роман / Л. Рогочая —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900328-7

В романе Людмилы Рогочей «Кубанский шлях» отражён конец эпохи Екатерины Второй. В то время Россия твёрдо обосновалась у берегов Чёрного моря и показала всей Европе своё военное могущество, а на Кубани стала формироваться новая сила для охраны рубежей Отечества — кубанское казачество.

ISBN 978-5-44-900328-7

© Рогочая Л.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Наследство	6
К воле	11
Степан	11
Кудеяры2	15
Беглецы	21
Одного поля ягоды	24
На «вольном» Дону	27
На хуторе Черёмном	33
За Доном	36
В селении староверов	40
Ея	44
Андрей Барятинский	47
В дикой степи	51
Отец Агафон	54
Разбойники	56
Черкесы	58
В ауле	61
Встреча с Беком	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Кубанский шлях Исторический роман

Людмила Рогочая

© Людмила Рогочая, 2017

ISBN 978-5-4490-0328-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Наследство

Пробки – одна из главных проблем Москвы. В них теряешь время, нервы, деньги. Степан Данилович Безруков угрюмо смотрел на багажник впереди стоящей «девятки».

Начало июня, а столбик термометра подбирается к отметке +30, да ещё в машине вышел из строя кондиционер.... Злость распирает: опаздывал на лекцию – последнюю в этом семестре. А после неё консультации, экзамены.... Правда, впереди – долгожданный отпуск. Почему-то к лету у него всегда кончался запас жизненной энергии. Наверное, сказывалась напряжённая работа в учебном году: студенты, аспиранты, научные исследования, подготовка докторской диссертации.

В этом году он планировал провести отпуск с семьёй в Испании. Однако пришло письмо от отца: заболел старик, подумывает о смерти и желает попрощаться с детьми и внуками. Вероятно, это серьёзно, потому что раньше он никогда не жаловался на здоровье, впрочем, как и дед, и прадед Степана Даниловича. Крепкие были казаки!

«Надо заранее заказать билеты. Уехать домой будет трудно – южное направление...», – подумал и тут же поймал себя на мысли – «домой». Как давно не произносил он этой фразы! И повторил вслух:

– Домой! На Кубань!

Да, уже четверть века живёт он в Москве. Теперь она его дом. Но почему же так щемит сердце при мысли о Кубани, о родной станице, об отчем доме....

Степан Данилович глянул на часы: лекция уже началась.

– Ай-я-яй! Опаздываю, – недовольно пробурчал, – студенты больше пятнадцати минут не ждут.

Уф-ф, жара.... Он вытащил из кармана платок, но тут «девятка» дёрнулась и, кажется, пошла. Затор рассосался довольно быстро, появилась надежда: «Может, застану».

Степан Данилович явился перед студентами, когда те уже покидали аудиторию. Можно сказать, успел в последнюю минуту. Заключительная лекция прошла на уровне, но, несмотря на то, что весь материал выдан, не удовлетворила его. В аудитории было шумно: студенты не могли сосредоточиться на теме, переговаривались, передавали записки.... Ну, ладно, экзамен покажет, кто из них чего стоит! Теперь домой.

Жена Маргарита и дочь Валентина встретили его радостными возгласами и засыпали вопросами:

– А на корриду пойдём?

– Милый, как тебе мой новый сарафан?

– Папка, ты думаешь, удобно будет загорать в этом? Мама говорит, что испанцы горячие и нечего их провоцировать, – Валентина стояла перед горой вещей, держа в руках некое подобие купальника.

– Возьми, чёрный купальник со стразами. Это будет прилично. А я обязательно захвачу тёмно-синее вечернее платье, с боа. В ресторан всё ж пойдём, милый. И в оперу, правда? Стыдно быть Испании и не послушать «Кармен». Стёпочка, я закажу люкс в отеле! Надо же побаловать себя, – щебетала жена.

Степан Данилович хлопнул в ладоши:

– Всё, девочки, тихо! В Испанию мы не едем.

Валентина стала в позу следователя и строго спросила:

– Но почему, папа?

Жена удивлённо и выжидательно посмотрела на него:

– Что это за фокусы, Степан?

– Получил письмо от отца. Он заболел, и мы едем на Кубань. Быть может, последний раз увидим старика.

Маргарита пожала плечами:

– Все старые люди болеют. Это не повод откладывать поездку.

– Мама уже заказала билеты! Вот! – со слезами на глазах выкрикнула Валентина.

– Придётся отказаться, доча. Надо с дедушкой попрощаться.

– Нет, отказываться мы не будем, – жена начинала заводиться, – твой отец, ты и поезжай на свою Кубань. А мы с Тиночкой едем в Испанию!

Разговора не получилось. С женой спорить бесполезно, всегда так было, и Степан Данилович, молча, прошёл к себе в кабинет.

Наутро на вокзале, как не тряс Безруков удостоверениями перед равнодушной кассиршей, билетов на Краснодар не было. Он простоял полдня в общей очереди перед кассой, в надежде, что кто-нибудь откажется от брони, и хотел уже уходить, как его позвали:

– В СВ поедете? – вдруг улыбнулась, сразу похорошев, кассирша.

– Конечно, – обрадовался Степан Данилович.

– А почему ему? Я впереди стою! Моя очередь! – тонко завизжала восьмипудовая дама в шортах. Но когда услышала стоимость билета, не говоря ни слова, пропустила Безрукова к окошку.

Оставшееся до отпуска время прошло в перебранках и ссорах с домашними. Но жена, как он и ожидал, своего решения не поменяла, а дочь обиженно надувала губы. Впрочем, днём он дома почти не бывал – в институте сессия, а вечерами заканчивал обработку данных для диссертации.

В середине июня Степан Данилович проводил жену и дочь в аэропорт. На душе был неприятный осадок. Отец просил приехать с семьёй. Придётся врать о болезненном состоянии жены, о занятости дочери... Тренькнул мобильник. Пришло сообщение, что на счёт поступили отпускные. Забежал в первый попавшийся магазин, рассеяно глянул на витрины. Что же купить отцу в подарок? В глаза бросился дорогой банный халат. Попросил завернуть. Накупив разных деликатесов к столу для родных, он поспешил домой: поезд через два часа.

Его попутчиком оказался угрюмый и молчаливый старик. Степан Данилович попробовал его разговорить, но на все вопросы Безрукова тот отвечал односложно, а вскоре и вовсе лёг на полку и отвернулся к стене.

«Подумаешь... Это даже и лучше», – Степан Данилович, в свою очередь, тоже прилёг и предался воспоминаниям.

Вырос он крестьянской семье, с детства зная, что булки с маком на деревьях не растут. Детей у отца-матери было трое: две дочери и он, Степан. В ранние годы всё время проводил с дедом и прадедом. Много полезного почерпнул у них о жизни, о природе. В школе полюбил учиться. Много читал.

– Профессором будет, – с гордостью говорил отец.

В свободное от учёбы время, подростком, помогал родителям управляться со скотиной, с четырнадцати лет сел на трактор и на летних каникулах работал в колхозе как заправский механизатор.

Степану повезло, что когда он родился, жив был его прадед Матвей. Может быть, благодаря ему, Степан так увлёкся историей, что связал с этой наукой свою жизнь. Зимними вечерами дед Мотя сидел в мягком кресле в своей спальне и плёл длинную нить воспоминаний. О том, как он, родившийся в конце девятнадцатого столетия, перенёс все беды и свершения следующего века. В революцию сражался в отряде красных партизан. Потом, получив землю, трудился и богател. В тридцатом был выслан в северный спецпосёлок как кулак. Бился с фашистами в Отечественную на Ленинградском фронте, в штрафбате, и остался жив. Великое счастье – возвращение на родную землю, в станицу. Это уж при Хрущёве было. И снова крестьян-

ский труд – надо было поднимать колхоз. Его сын Анисим, дед Степана, хотел стать учителем, но получил в педтехникуме от ворот поворот – сын кулака, и всю жизнь протрубил в колхозе трактористом. Отцу Степана Даниле Анисимовичу повезло больше. Он окончил сельскохозяйственный институт в брежневские времена и работал агрономом в родном колхозе – до выхода на пенсию и окончательного развала хозяйства.

А ещё прадед рассказывал Степану казачьи легенды и байки, одну из которых он хорошо запомнил: о барских сокровищах, якобы захороненных у подножья кургана с каменной бабой, что за станицей. Он вспоминал, как каждое поколение станичных пацанов перекапывало все подходы к нему, но так никто ничего и не нашёл. Да и сам Степан Данилович, поверивший в эту красивую сказку, не раз орудовал там лопатой. Как взволнованно билось сердце каждый раз, когда она наталкивалась на что-то твёрдое! Но чаще всего это были кости животных или переплетённые корни вековых деревьев, подступавших к самому кургану. Потом студентом он не раз бывал на археологических раскопках и испытывал те же чувства. Как давно это было!

Ни дед его, ни прадед не дожили до нового времени. И, слава Богу, что не видели, как рухнула система, разрушившая когда-то уклад кубанского казачества и ничего не давшая взамен. Да, была в предках Степана Даниловича сила, дух казачий.... Хотя прадед рассказывал, что первый Безруков, поселившийся на Кубани, или, как тогда говорили, в Задонье, пришёл в восьмидесятих годах восемнадцатого века из псковщины пешком. Через всю Россию шёл к воле.

Достойные люди были пращуры. А он, сам.... Кое-чего добился, что-то сделал, но утратил главное, без чего человек не человек, – корни! Валентина и знать не желает о прошлом их семьи. А сына нет: жена не захотела делить любовь к Тиночке с другим ребёнком. Значит, он, Степан, последний в роду Безруковых.

Разбудил Степана Даниловича нахальный луч летнего солнца. Посмотрел в окно – а там уже степные просторы, чуть розоватые от цветущего ковыля.

Проехали Дон, и сердцу стало тесно в груди. Батьковщина моя! Глаза заволокло слезами.

– О! Доброе утро! Вы встали? – вошёл попутчик с двумя стаканами чаю.

Они пили чай и смотрели на степь.

– Я, знаете, с четверть века здесь не бывал. И сейчас турист, – криво усмехнулся старик. – Думал «родина» – сентиментальная чушь. Ан, нет. Знаете, в восьмидесятые годы я попался на удочку западных голосов. Сбежал в Америку, снедаемый жаждой свободы. А потом копил деньги, чтобы приехать сюда, хотя бы в качестве туриста. Объять глазами простор, почувствовать запах июньских трав. Как бы хотелось мне здесь умереть....

Старик опять приуныл, замкнулся....

Степан Данилович подумал: «Вон, из какой дали приехал человек, чтобы встретиться с родиной. А я?». На душе стало горько.

В Краснодар прибыл после обеда, затем долго трясся на рейсовом автобусе до своей станицы. Встретила младшая сестра, Елена. Прижалась к его и груди, зарыдала.

– Неужели так плохо?

– Умирает. Врач сказал, что до утра не доживёт. А Светка не успеет приехать, она в экспедиции, в Африке, вместе с Гришей. Татьяна их с женихом уже здесь. А твои?

Степан промолчал – лгать не хотелось.

Бросив сумку у входа, стремительными шагами Степан Данилович, прошёл в спальню к отцу. У кровати, держа руку деда в ладонях, сидела с заплаканными глазами Таня. Увидев дядю, уступила ему место.

– Стёпа, – слабо выдохнул отец, – успел.... Ухожу я....

Грудь Степана сдавило болью и жалостью:

– Батя! Родной мой!

– Прости меня, Стёпка! За всё, что в жизни было... не так... как хотелось, – тихо прошепел он.

Степан взял его холодеющие руки в свои:

– Это ты прости меня. Какой же был я дурак.... Работа, наука, а главное в жизни упустил...

– Нет, ты молодец, ...профессор.... Позови всех... – от усталости веки у него смежились. В спальне стало тесно. Родные скорбные лица, и у всех, он уверен, чувство вины...

Степан видел, сколько усилий прилагал отец, чтобы сказать последние слова перед вечной разлукой:

– Прощайте.... Помните, кто вы.... – он захрипел, губы дёрнулись, и светлая, умиротворённая улыбка легла на его побледневшее лицо и застыла. Степан Данилович закрыл дрожащей рукой родные глаза и вышел во двор. Сердце сжималось. Слезы душили. Тяжким бременем на плечи навалились печаль и безысходность.

Организацию похорон взял на себя зять, муж Елены. Степан Данилович отдал ему все деньги, которые были с собой, оставив лишь на дорогу. Он всю ночь просидел у гроба, размышляя и виня себя в том, что мало уделял внимания старикам. И мать ушла без него в мир иной, а теперь едва успел попрощаться с отцом....

После поминок Елена заговорила о наследстве.

– Нет, нет, мне ничего не надо, сестра. Так, на память чего-нибудь возьму, мелочь какую, – торопливо пробормотал Степан и прошёл в комнату отца. Он с детства помнил древний сундучок, который часто просил старших открыть. Степан любил вдыхать запах времени, перебирать старые вещи, слушая неторопливый говор деда про давнее.

«Как только удалось предкам сохранить всё это? Ну, теперь уж не узнаешь...», – думал он, вытаскивая из-под кровати знакомый облупленный сундук со следами восточного орнамента на крышке.

В тряпицу завёрнутый потемневший кинжал, рукоять которого была когда-то инкрустирована камнями. Но теперь на месте их пустые ячейки. Степан вынул оружие из ножен, попробовал лезвие пальцем. Острое.... Наверное, отец подтачивал, и не раз. Поржавевшая коробочка от леденцов-монпансье. В ней лежали крючки, монетки и перстень, потемневший от времени. Протерев кольцо платком, он заметил на внутренней стороне гравировку. Это интересно! И он отложил перстень.

Несколько старинных фотографий предков, в папахах и черкесках. Все стоят, подбоченясь, правой рукой сжимая эфес шашки. Такие гордые и ответственные, что ли.... А вот семья прадеда. Четырнадцать детей! Он нашёл глазами деда, семилетнего мальчишку, утонувшего головой в казацкой папахе отца. Он прижимался к коленям бабки, серьёзной и важной.

А вот образец! Степан Данилович вспомнил, как дед уговаривал взять иконку в армию. Де, оберегает она всех Безруковых. Степан посмеялся и не взял. Теперь же возьмёт. На память о деде. Сложив «наследство» в пакет, он вздохнул: «Ну, вот и всё. Прощаюсь с родичами и можно ехать». Ему не хотелось встречаться со школьными друзьями, соседями, говорить о смерти отца.... Это потом, позже.... Сейчас он чувствовал себя безмерно виноватым перед всем своим родом. Хотел скорее остаться один, переосмыслить жизнь.

Степан Данилович вернулся домой раньше, чем предполагал. Жена и дочь придут позже. Конечно, предстоит неприятный разговор.... А пока надо отдохнуть. Подумать... Он лёг на диван. Мысли крутились вокруг кинжала. Вероятно, антикварная вещь? Как она попала к его деду? В революцию? А может быть, и раньше? Сколько оружию лет? Да это ж можно узнать! Степан Данилович вскочил с дивана и включил компьютер.

Сидел в интернете допоздна. Наконец, нашёл сайт по истории холодного оружия Кавказа, на котором увидел фотографию своего кинжала. Оказывается, что это черкесский кинжал середины 18 века, даже указано место изготовления. Безруков довольно потёр руки и решил

на этом не останавливаться. Возможно, что можно найти материал и об иконке. Вскоре действительно выяснилось, что образок изготовлен в мужском монастыре на псковщине, который закрыли по причине прелюбодеяния монахов (они прокопали подземный ход под рекой к женскому монастырю и посещали монашек). Таким образом, прекратилось изготовление и освящение образков, а те, что раскуплены за два года их выпуска, стали раритетными. А перстень! Степан Данилович не поверил своим глазам, когда сравнил с данными одного геральдического сайта: монограмма Суворова! Как это могло быть?! Как могли эти вещи попасть в руки его предков?

Конец восемнадцатого века. На территории Кубани война. Заключаются договоры, военные союзы... Передел земель! Хотя Суворов-то Александр Васильевич несколько раз бывал на Кубани, и, может быть, даже встречался с его предком?! Не исключено...

В нём заговорил учёный-исследователь: «Что я знаю? Что предок из псковщины! Раз! И что события происходили в последней четверти восемнадцатого века. Это два! Хорошо, уже есть зацепки. Если посмотреть ревизские сказки, записи в церковных книгах того времени, может быть, удастся кое-что узнать ещё. Или хотя бы точнее датировать побег предка на Кубань».

К воле

Степан

Хорошие нынче травы уродились, сочные. Будет чем скотину кормить.

На барском лугу бодро звенит косами дюжина мужиков. Завтра неделя¹, и они радуются, что смогут накосить сена и своим коровушкам.

Прямые лучи полуденного солнца выбеливают мокрую от пота рубаху молодого плечистого косаря с соломенными, подстриженными в кружок светло-русыми волосами и широким разрезом зелёных глаз. Взмах косы – и высокие травы укладываются в одинаковые ряды. Несмотря на восемь часов непрерывного труда, Степан идёт с косой по заливному лугу, будто играючи. Он любит эту работу, размеренную, спокойную. Но мысли его не здесь. Он думает о доме, о молодой жене.

Вот Степанида пришла с барщины, входит в избу, вот стряпает, что-то напевая и поглядывая на дверь в ожидании его, Степана. Потом они ужинают, весело переговариваясь. Перед сном жена расчёсывает длинные русые волосы и нежно, светло улыбается. И есть чему радоваться: скоро у них появится первенец!

От приятных мечтаний Степана отвлекли голоса мужиков-косарей:

– Смотрите, кто-то бежит!

– Что-то кричит. Не слышно...

– Дитё!

Уже ясно видно, что это мальчик лет семи-восьми.

– Никак Гришка, Гаврюшкин сын.

Мальчик, запыхавшись, остановился перед Степаном и, не переведя дух, выпалил:

– Дядька Степан, тётка Степанида утопла!

Косарь глазами вонзился в Гришу, пытаясь понять мальчишку. Но воспринял только одно слово – Степанида!

Степан, отшвырнув косу, сорвался с места и помчался через луг к деревне. Тревожно билось сердце. Что случилось? Что?

Вот улица. Перед избой толпа народу. При виде его крестьяне расступились. Дверь избы распахнута настежь. На лавке – его Степанидушка, в мокрой исподнице, с влажными слипшимися волосами.

В горнице полутёмно: окно залеплено лицами любопытных. Воют бабы. Слышен шёпот:

– Отпевать батюшка не будет – самоубивица. За погостом, небось, закопают.

– Что ж так... Степан, вроде, не обижал её?

– Вы что бабы, ополоумели? Тяжёлая она была. На такой грех не пошла бы.

– А кто ж её вытащил?

– Дворовый Матвейка. Рыбалил он на пруду. Видит: баба разделась и в исподней рубахе вошла в воду. И не вышла... Пока сообразил что к чему, было поздно. Захлебнулась, бедняжка...

– Может, судорога схватила?

На возбуждённых пересудами баб прикрикнула старуха Мокеевна:

– Цыть, девки! У покойницы-то грех!

---

¹ Неделя – (ст.русское) воскресенье.

Все замолчали, скорбно и жалостно глядя на Степана. Он в отчаянии упал на колени перед лавкой, обхватил жену руками и беззвучно зарыдал. Его силой вывели из избы, чтобы обмыть и одеть покойную. Мокеевна вытолкала и соседей.

Когда Степан вернулся в горницу, Степанида, в праздничном сарафане, причёсанная, лежала на лавке. Лампада едва освещала строгое выражение её лица.

Всю ночь провёл Степан, стоя на коленях перед телом жены. Наступило утро. Не полетному хмурое небо давит предгрозовой духотой. Больно дышать и даже думать. Но надо жену по-человечески похоронить. Сколотить гроб, отпеть, отнести на кладбище, помянуть....

Степан делает всё сам. Родных в этой деревне у него нет. Где-то далеко за Вязьмой живут отец, мать, восемь братьев и сестёр, может быть, ещё жива и бабка. О ней он вспоминал чаще, чем о других родственниках. Хорошая была, любила его. В эту деревню Степана привёз барин – ещё мальчиком купил, в придачу к кузнецу, определил в малолетнюю семью. Натерпелся малец от неё горя: и били, и голодом морили – думали, помрёт.... Он выжил, вырос, превратился в сильного парня, избу поставил, женился на красавице...

Сам Бог их свёл. Увидел Степан будущую жену два года назад, на жатве. Она снопы вязала. Проворно, ладно так. И собою хороша! Сердце зашлось, и полюбил парень. Он Степан – она Степанида! Как не подивиться на такую схожесть! Чем не пара? Сколько раз ходил он к барину Дмитрию Сергеевичу, чтобы тот разрешил ему жениться на Стеше. Сбился со счёту. Отказ за отказом. А тут на прошлый Ильин день засватали барышню – криворукую Апполинару, ну, на радостях, наверное, согласился барин на свадьбу крепостных Степана и Степаниды. Даже лес на избу выделил. Посажённым отцом невесты на венчанье был. Ведь она сиротинушка, кроме тётки Мокеевны, никого.... Мать умерла, отец сгинул на войне: как забрили ему лоб пятнадцать лет тому назад, за строптивость, так ни слуху, и ни духу. Жив ли, нет?

В сельскую церковь Степан покойную жену не повёз – по деревне пошла нехорошая молва. Всегда найдутся завистники чужому счастью, но охотников обсудить чужое горе ещё больше. Степану с трудом удалось уговорить дьячка-то, чтобы он сам приехал в деревню. Тот долго противился, пришлось отдать пяток кур, но всё же отпел несчастную и уехал. Заколотили гроб. Хоронить её собрались соседи, старики да старухи. Правда, управляющий дал лошадь и отпустил с работы на день самого Степана и плотника Гаврилу, который и сколотил домовину.

Вдвоём погрузили гроб на телегу, запрягли лошадь, – и скорбное шествие двинулось через всю деревню в сторону кладбища. Кругом пусто – людей нет.... По улице бегали только куры, бродили свиньи да лаяли собаки.

Степан брёл за телегой, понуро опустив голову, и думал: «Как это случилось? Почему? Ведь всё меж ними было хорошо. Ни разу голоса не повысил на свою жёнушку, ни разу словечка обидного ей не сказал. Нет, правильно баба сказала – судорога схватила. Говорят, в тягостях это часто бывает. А его рядом-то и не было».

Вот и последний приют Стешеньки: старый деревенский погост – глубокая яма да деревянный крест. Мужики выровняли лопатами могилу. Все перекрестились да разошлись, кроме Мокеевны, которая тихо, чтобы не тревожить замершего у могилы Степана, шептала вслед:

– Приходите, люди добрые, помянуть светлую душеньку новопреставленной Степаниды.

А Степан камнем застыл у могилы жены. Долго стоял. Наконец, старуха тронула его за руку:

– Пойдём, милоч. Успокойся. Ей хорошо сейчас, легко у Бога-то под крылом....

Степан невидящим взглядом обвёл всё вокруг, и вдруг упал, как подкошенный, на могилу, прижался к ней, гладит, словно человека, нежно и ласково, и каким-то неестественным, утробным голосом вопрошает:

– Что ж ты, моя ладушка, наделала? Аль обидел? Зачем же мне жить без тебя?...

И сам отвечает:

– Незачем. Нету жизни. Закончилась. Не встретим вместе зорюшки. И сынок наш не родится, не будет меня тятей звать....

Мокеевна обняла его за плечи, пытаясь поднять:

– Не надо, Стёпушка! Пойдём, пойдём!

– Я не верю, баушка, что она сама.... Не могла такое сотворить с собой и с не рождённым дитём.

– Конечно, не могла, ох, Стёпушка. Случай... Беда! Ох, беда! Только ты, парень, не теряй головы от горя-то.

Старуха развернула тряпицу и протянула ему маленькую иконку:

– Вот тебе образок. В монастырском храме освящённый. Матерь Божия на нём, с младенцем. Милующая. Когда туга-печаль навалится на тебя, молитву Богородице почитай. Знаешь, чай?

– Знаю, баушка.

Степан встал, бережно принял образок, посмотрел на Богородицу, она и впрямь глядела на него ласково, милостиво. Мокеевна взяла иконку за шнурок и повесила её Степану на шею:

– Вот так, будет образок у тебя рядом с крестом нательным. Перекрестись, поблагодари Богородицу за её деяния, поцелуй иконку.

Степан послушно исполнил наставления Мокеевны, затем спрятал образок под рубаху.

– Ну, пойдём, пойдём, Стёпушка. Люди ждут.

Он бросил последний взгляд на могилу, и медленно, как после тяжёлой болезни, зашагал к дому, оставляя позади бедный погост с покосившимися крестами.

На поминки собрались несколько соседей: Гаврила с женой, две древние соседки да Макеевна. Щи, брага, квас, хлеб, огурцы, квашеная капуста. Вот, пожалуй, и всё, чем мог помянуть Степан свою любимую жену.

Уж смеркалось. Мокеевна зажгла лучину. Гаврила поднял глиняную кружку с брагой:

– Ну, по последней. Светлая память твоей Стеше. Ласковая да работающая была.

– Помолимся Господу нашему, всемилостивейшему и всепрощающему, – поднялась тётка, – «Господи Иисусе Христе, сыне Божии, помилуй и упокой душу рабы Твоея Степаниды в бесконечные веки, яко благ и человеколюбец. Рабе Божией преставившейся Степаниде вечная память».

Гости перекрестились и начали расходиться. Один Гаврила топтался на месте. Он несколько раз смущённо порывался ещё что-то сказать, потом всё-таки решился:

– Слышь, Степан, не знаю, говорить ли тебе? ... Ну, да ладно... Люди бают, что Стеша утопилась. Сама.... Вишь ли, видели, как барчук приставали к ней. И насильничали, вроде...

У Степана потемнело в глазах.

– Барчук?! – как эхо он повторил. И вдруг взревел, распаяясь от гнева, – Барчук!? Ну, говори, говори дальше! Что ты ещё слышал от людей?!

– Больше ничего. А барчук Лексей Дмитриевич и вправду из Москвы приехали. Неделю уж здесь. Отдыхают от учения.

Степан сжал кулаки, глаза его налились кровью, опрометью бросился из избы.

Гаврила испуганно закричал:

– Э-э, Стёпка, ты что? Чего удумал?

Побежал за ним следом. Но куда там?! Степан быстрее ветра мчался в сторону поместья. Не догнать....

Гаврила схватился за голову, испуганно прошептал:

– Убьёт! Зачем я сказал?!

У Степана сейчас действительно на уме только одно – убью!

С чёрного хода заскочил в дом, осторожно прошёл кухню и – к знакомому кабинету, где не раз ломал шапку перед барином с нижайшей просьбой – отдать Степаниду в жёны.

Из щели под дверь пробивался свет. Степан бесшумно приоткрыл дверь и по-кошачьи подкрался к барчуку. Тот сидел за столом и рассматривал рукоять кинжала, украшенную драгоценными камнями. Прилизанные волосы. . . . Белоснежный стоячий воротник рубахи. . . . Задущу!

Алексей Дмитриевич или услышал шорох, или почувствовал присутствие постороннего, – обернулся. Он увидел огромные ручки Степана, тянущиеся к его горлу, и лицо, полное ярости. Машинально направил лезвие кинжала на холопа. Но Степан перехватил оружие и повернул его в обратную сторону. Брызнула господская кровь. Степан бросился прочь и уже не видел, как голова молодого барина упала на стол, опрокинулась свеча, загорелась скатерть.

Степан мчался от усадьбы в сторону леса, сжимая в руках окровавленный кинжал. Сзади него – пламя: горела барская усадьба. Впереди зияла кромешная тьма. И тут разразился летний дождь. Ливень! Он хлестал в лицо, смешиваясь со слезами, стекал по шее и груди за пазуху. Но он не мог остановить несчастного. Степан, спотыкаясь, падая и поднимаясь, бежал и бежал.

Наконец, выбившись из сил, он рухнул лицом вниз на влажную подстилку из молодых трав. Долго лежал так, до самого рассвета.

– Господи! За что?! За что, Господи! – шептали губы, – За что?!

Перед его глазами возникла Степанида. Она с любовью взывала к нему:

– Стёпушка, сокол ясный, ненаглядный мой! Что же ты наделал? Сгубил себя.

– Он – тебя! Я – его! Чего уж обо мне печалиться, – услышал он свой надтреснутый болью голос.

Дождь давно прекратился. Степан сел на пень, достал образок из-под рубахи, поднёс к глазам. Почудилось ему, что не Божья мать на нём изображена, а Степанида с не рождённым младенцем. Долго смотрел на неё, читая молитву. Поцеловал образок, вкладывая в этот поцелуй любовь и нежность, боль и жалость, спрятал под рубаху. Взгляд коснулся кинжала – он не помнил, как отбросил его, но поднял и заткнул за пояс.

Кудеяры²

Сгущались сумерки. Мартовский морозец уже схватил талые лужи. Налетел студёный ветер. По дороге, дзинькая колокольчиком, мчалась запоздалая карета. Помещица Тучина с сыном-недорослем и его дядькой возвращались из гостей. Они спешили: на дорогах было небезопасно. Тати³ в округе развелись в премоножестве. Недавно ограбили настоятеля монастыря, который вёз оклады к новым иконам, хотя и ехал он не один – под охраной пяти солдат и унтер-офицера. Но это не помогло, несмотря на то, что солдаты всю дорогу держали пистолы и фузеи⁴ с взведёнными курками. Одного шиша⁵ даже подстрелили, и тот упал с дерева, словно глухарь битый. Но разбойников было много – гораздо больше охраны. И никому, кроме попа, уйти не удалось. Полегли родимые от неправедных рук. А священнослужитель, когда пальба началась, бежал – и к исправнику.... Вызвали подкрепление. Но погоня, осмотр места происшествия ничего не дали – шайки, как не бывало. Передавали и другие слухи о грабежах и убийствах, и, в основном, в вечернее время. Вся округа была поражена татьбой. Даже родилась пословица: «Орёл да Кромы – ворах хоромы, Ливны ворами дивны, а Елец – всем ворах отец, да и Карачев на поддачу!» Так что опасения пассажиров кареты были не напрасны.

Тучина, то и дело, высовывалась из окошка и торопила кучера. Она боялась, что ночь застанет их в пути.

– Говорила же, что раньше надо выезжать, а ты всё с барышнями любезничал, ручки им выщеловывал, – ворчала она, обращаясь к сыну, – «подождите, маменька», вот и подождали. Скоро совсем стемнеет. Что будем делать тогда? Где укрываться от татей? Лучше б сами принимали гостей. Пусть щами да грибами, зато в безопасности.

– Да, что Вам за охота, маменька, брюзжать, всё равно скоро дома будем. Тут вёрст-то всего осталось.... Митька, сколь вёрст до дому? – высунувшись в окно, прокричал недоросль кучеру.

Митька ничего не ответил. Его внимание было занято другим. Тройка резво приближалась к лесу, который круто огибала просёлочная дорога. Неожиданно в том месте, где она подступала близко к деревьям, со старой сосны на облучок кареты спрыгнул мужик с лицом, вымазанным сажей.

– Вор, – едва успел выдохнуть кучер, как ему в бок уткнулось острие ножа.

– Пикни только, кишки выпущу, – прошипел разбойник и зверски зыркнул глазами на несчастного возницу. Перехватив у него вожжи, мужик остановил экипаж и примотал кучера вервью к облучку.

Тучина выглянула в окно узнать в чём дело, но разбойники уже бросились к дверцам кареты и предстали перед её испуганным взором. Барыня пронзительно закричала:

– Караул, тати!

Грабитель схватил её за плечи и начал выволакивать из кареты. Она, изловчившись, укусила его за ухо. Тот на мгновение выпустил жертву из рук, и она с воплями бросилась бежать в лес.

Другой – с криками: «Держи! Уйдёт!» – догнал барыню и с силой ударил ребром ладони по шее. Она охнула, обмякла и кулем пала на землю. Он быстренько заломил ей руки за спину и обмотал их верёвкой.

---

² Кудеяр – вор, разбойник (нариц.)

³ Тати – вору, разбойники.

⁴ Фузеи – ружья.

⁵ Шиш – вор, разбойник.

Тем временем у кареты завязалась настоящая драка. Едва разбойники вытянули из экипажа дядьку и попытались связать его, как недоросль неожиданно резво прыгнул на одного из них и изо всех сил стал сжимать ему горло руками. Разбойник попытался сбросить надоедливую щенка и вертелся волчком, хрипя от натуги. Но тот вцепился в него, как клещ. Грабитель всё же исхитрился и разжал мальчишке руки, затем, присев, перебросил его через плечо. Отлетев к карете, недоросль ударился головой о колесо и затих. Старик, проклиная негодяев, бросился к воспитаннику, но несколько тел навалились на него, и после недолгого сопротивления дядьки, его тоже связали.

Кучер сидел на облучке и следил выпученными от страха глазами за происходящим. Помочь он не мог, убежать тоже.

– Обшарьте карету! – резко приказал предводитель шайки, с чёрной повязкой на лице. Кривоногий бородатый малый бросился к экипажу и вскоре вынес из него погребок с серебряными приборами, несколько подушек в вышитых наволочках и корзину с провизией.

– Негусто, – цокнул языком главарь, – подушки оставь, сие пустое, остальное можешь брать.

Вдруг раздался крик пришедшей в себя барыни:

– Кудеяры проклятые, погодите, злодеи, всех вас переловят. Нашли, кого грабить, беззащитную вдовицу. И тут её взгляд упал на неподвижное тело сына.

– А-а-а! Убили! Убили, изверги! – истошно завопила мать, пытаясь освободиться от пут. Да и дядька не молчал. Он кричал, ругался, плевался, грозил Божьим судом.

– Заткни им пасти, а то, не ровен час, кто услышит, – велел главарь, обращаясь к юркому, кудрявому парню, и указал также на недоросля:

– Вишь, шевелится уже, его тоже свяжите, да покрепче. Да к дереву, дереву всех примотайте!

И строго пригрозил злосчастным путешественникам:

– Будете плохо себя вести, порешим. А так, если, конечно, не сожрут вас волки, останетесь живы. Ребята, лошадей выпрягите! – продолжал он распорядиться, – а ты, – он тихо обратился к чернявому кудряшу, – отведёшь их к цыганам. Напомни Бейко, что у него должок с того раза, пусть не задерживает.

Тот, кивнув головой, выпряг коней и, вскочив на одного из них, погнал добычу к цыганам. Остальные разбойники, грузённые отъятым добром, через полверсты вышли к замызанной коляске с впряжённой в неё старой лошадей, которая безмятежно подрёмывала в ожиданье хозяина.

– Морды вытрите, – приказал подельникам ещё нестарый господин приятной наружности, сняв повязку, – и давайте, что там, кресты, перстни.

– Эге, ж, – согласно кивнул один из мужиков и послушно протянул награбленное. Второй поставил к ногам главаря корзину.

– Негусто, – повторил он.

Кривоногий сел на место кучера, а предводитель и другой, худой вертлявый парень, – в экипаж, и коляска бодро двинулась к тракту.

Эту шайку собрал Александр Петрович Залесский – мелкопоместный дворянин. Всего у него семь душ крестьян. В уездном городе N было много таких бедных дворян. Ну, конечно, Александр Петрович отличался ото всех прочих. Ведь когда-то он был богат, успешно продвигался по военной службе, имел красавицу жену и малютку-дочь. Но всё постепенно порушилось.

Со смертью родителей вотчина осталась за старшим братом, остальное одиннадцать страждущих богатства и знатности детей растащили по кускам, и Александру, находившемуся тогда в военной службе в гусарском полку, как многие богатые дворяне, не досталось ничего. Одно было спасенье – выйти в отставку и жениться на богатой невесте. И это случи-

лось! Однако его жена, урождённая княжна Барятинская, будучи с детства слабою здоровьем, тяжело заболела и вскоре умерла, оставив ему малолетнюю дочь Лизоньку. Ну, надо сказать по чести, досталось Александру Петровичу от жены приличное состояние. Он задался целью лёгким «гусарским» путём приумножить богатство, – и проигрался в пух и прах. И теперь он владел кучером Фролкой, цирюльником Авдюшкой и семьёй дворовых: работником про всё – Никодимкой, его женой, кухаркой Фимкой, и тремя их детьми, которые путались под ногами в утлом домишке.

Жилище Залесского состояло из двух половин: барской и людской, впрочем, друг от друга они почти ничем не отличались. Ещё у него был огород, конюшня для единственной лошади, сарай, где стояла старая облезлая коляска, и жалкий палисадник с резедой.

По протекции родственника жены, князя Барятинского, Александр Петрович устроил дочь в столичный пансион на казённое обеспечение и теперь спал и видел, что тоже переезжает Санкт-Петербург. Но для этого ему нужны были средства и немалые. Он долго размышлял, как ему разбогатеть, но честных способов не находил. И тогда, по дурному примеру некоторых обедневших дворян, он стал на опасный путь разбоя.

Только дворовые Залесского знали истинное лицо своего барина. Они как подневольные вынуждены участвовать в грабежах. Корысть в том была небольшая. Много ль рабам надо? Поблажка какая-нить, понюшка табаку, сюртук с барского плеча, штофик вина... Отказаться от разбоя они не могли, и пожаловаться начальству тоже. Кто им поверит? А барское право – забрить лоб или обуть в кандалы, а то и до смерти розгами уговорить. В уезде были такие случаи. Помещик Миронов забил до смерти кузнеца, который, без его ведома, подковал проезжему кобылу. Трое подневольных младенцев того же Миронова с голоду умерли: он заставил их матерей выкармливать грудью щенков. Конечно, Александр Петрович был не таков, и если бы не ночной промысел, жили бы его рабы беспечально. Но кто знает, что барам может прийти в голову? Поэтому крепостные Залесского не роптали, а следовали велениям своего господина.

Фрол – похожий на цыгана, подвижный, сообразительный малый, достался барину по наследству и числился кучером, хотя выполнял любую работу. Когда Ефимья разрешилась от бремени третьим парнишкой, он несколько дней даже кухарил и довольно хорошо. Свободными вечерами Фрол балагурил с соседями, брэнчал на балалайке, заигрывал с девками. Жениться, правда, он не спешил, так как понимал, что в теперешнем его положении – разбойника, лучше оставаться холостым.

Смазливого, разбитного Авдея Александр Петрович выиграл в карты. Прежний барин отправлял парня учиться цирюльному делу в Москву. Оттуда Авдюшка приехал подкованный и развратный. А ещё набрался от мастера куафер⁶, француза, ужимок и вольностей – вольтерьянства, как тогда говорили. Вольтерьянство Авдея заключалось в пустых разглагольствованиях о вещах, в которых он не смыслил. Зато умел он, благодаря природной хитрости, удобно устраиваться. Вот и для барина Авдей был скорее наперсником, чем цирюльником. Знал все его тайны и пристрастия и, как мог, угождал ему: приводил девок, гадал на картах, чесал пятки. Залесский хоть и обеднел, но сохранил старые замашки до лучших времён – он грезил о богатой жизни.

У Авдея была зазноба, Марфуша, в селе Слёзки, в котором он родился и жительствовавший до того, как прежний барин поставил его на кон и проиграл Залесскому. Но будущего у него с Марфой не было. Её отец «за особые заслуги» получил от помещика вольную на семью, и, конечно, не собирался отдавать девку за крепостного, чтобы закабалить её снова. Да, он и принимал меры, чтобы отвести Авдея: не пускал Марфу на улицу, держал наготове у ворот оглоблю... Авдей часто навещался в это сельцо, где, кроме Марфы, остались его родствен-

---

⁶ Парикмахер.

ники и приятели. Он взхлёб рассказывал Фролу о том, как озоровал в детстве, как весело и вольготно жил, пока не взяли его в дворовые.

Иногда после обеда барин надевал праздничный сюртук, приказывал Авдюшке завить и напудрить ему волосы и отправлялся «совершать променады», а рабы ждали, пока он вернётся, чтобы пуститься в разбой. У них были свои места, где подстерегались одинокие кареты, пролётки, тарантасы. Грабили в повязках, или вымазывали лица сажей, связывали кучера и пассажиров и на своей коляске скрывались. Добыча обычно была невелика – на богатые обозы они не нападали, по причине малочисленности шайки, смертоубийством тоже не занимались. Но, несмотря на эти ограничения, кошель барина постепенно наполнился монетами, ассигнациями, камешками. И он всё реже участвовал со своими холопами в грабежах.

Сегодня, расфрантившись, Александр Петрович отправился в дворянское собрание. Городок был небольшой, так что для прогулок собственным выездом Александр Петрович пользовался редко. И, слава Богу! Его транспортное средство, гордо именуемое «экипажем», в пору было выбросить.

Как только барин вышел за ворота, Фрол, заговорщицки подмигнув, позвал Авдея на чистую половину и обеспокоенно зашептал:

– Авдюшка, ведь мы когда-нибудь попадёмся и не отвертимся. А барин выйдет сухим из воды.

– Эге, ж, я тоже всё время об этом думаю, – отозвался Авдей и, актёрствуя, добавил:

– Но мы люди подневольные, что поделаешь.

– А давай уйдём от него, – предложил Фрол.

– Ты что? – возмутился Авдей, – поймают, высекут, а то и на каторгу. Сейчас с беглыми строго.

– С умом надо бежать. Всё продумать... – серьёзно произнёс Фрол, – и будем не подневольные, а вольные. Сами себе бары.

– Боязно всё же, Фролка, да и опасно.

– Не трусь!

– Да я не трушу, а раздумываю. Нам ведь и так живётся неплохо... – вздохнул Авдей, – нет, беги один.

– Продашь, – убеждённо сказал Фрол и поморщился.

– Ей Богу, буду нем, как рыба. Ничего не знаю, не ведаю. А я ведь и, правда, не знаю, куда ты побежишь.

– Значит, не хочешь со мной?

– Хотеть-то хочу, только хотелку отобьют.

Авдей лукавил. Он давно задумал побег, даже решил, куда спрячет сокровища и как обретёт новое имя, только брать с собой подельников он не предполагал вовсе. Но Фрол такие и похожие разговоры затевал последнее время часто. Даже барин заметил, что приятели секретничают, и пригрозил им поркой.

Последний раз они, по настоянию Александра Петровича, попытались взять почтовую карету с большими деньгами. Однако нарвались на усиленную охрану и еле унесли ноги. Заведя коляску, нарочито заляпанную грязью, в сарай и отмывая её бока, Фрол пыхтел и злился, потом, в сердцах бросив тряпку на землю, сказал твёрдо:

– На Дон побежим. Там всех беглых принимают на службу, в казаки берут и землю дают. Мне офеня⁷ намедни⁸ рассказывал.

На этот раз Авдей не столь рьяно возражал и даже многозначительно произнёс: «Там посмотрим». Несколько дней после неудавшегося налёта барин им ничего не говорил. Прия-

---

⁷ Бродячий торговец.

⁸ Недавно.

тели подумали, что всё прекратилось. Авдей пополудни отпросился в Слёзки. Явился он оттуда довольно скоро, сердитый, и сразу вызвал Фрола на улицу.

– Я согласен – надо уходить.

– А что, что-то случилось!

– Случилось, Фролка. Собираются Александр Петрович нас всех продавать. Теперь, благодаря нам, оне богатые и уезжают в Петербург на постоянное жительство.

Фрол недоверчиво посмотрел на Авдея:

– Откуда знаешь?

– Неважно, но точно.

– А кому продавать? – продолжал допытываться кучер.

Авдей скривил губы и со злостью прошипел:

– В том-то и дело, что Миронову, – он яростно сплюнул, – люди слышали, как он с ним сговаривался.

– Ми-ро-оноу? – Фрол представил, что его барином станет проклятый душегубец, и его прошиб пот.

– Ну, да. Иисусе Христе, он трёх жён в гроб вогнал, крестьяне у него мрут от побоев, как мухи. Да и люди его говорят, что скупенный⁹ страсть: за пшеничный сноп удудит.

– Ай, не робей, воробей! – Фрол был готов бежать прямо сейчас. – Только Никодима не возмём. Куда ему с таким хвостом – жена, трое детей.

Авдей согласился, и заявил как дело решённое:

– Заберём у барина деньги и камешки. Нам пригодятся.

– Не всё возмём, только свою долю, – поправил его Фрол.

– Будь, по-твоему. Я ведаю, где они прячут богатство. Как повезёшь в гости, я знаю – они собираются, получили приглашение, удержишься в дороге как можно дольше. Я, тем временем, соберу добро в мешок и побегу в Слёзки, где и буду тебя ждать на заброшенной пасеке. Знаешь, где это? Помнишь, девок водили туда?

Фрол кивнул головой и спросил:

– А мне ж, когда бежать?

– А ты уйдёшь, как только уснут барин. Я думаю, они будут выпивши и не станут проверять свои сокровища, – ухмыльнулся Авдей.

– А ежели кого-то из нас поймают, как выручать будем? Надо всё сейчас решить....

– Не поймают, – уверенно проговорил Авдей. – Ну, а как встретимся, вместе пойдём на твой вольный Дон.

Вскоре барин собрался на именины. Фрол запряг лошадь, и они поехали на другой конец города. На обратном пути у коляски отлетело колесо, и кучер часа два надевал его на ось. Домой прибыли поздно. Александр Петрович лёг спать, а Фрол поспешил в Слёзки. На пасеке Авдея не было. «Наверное, у Марфушки, прощается», – сразу подумал Фрол.

Уже светало. Избу девки нашёл он нескоро, был всего-то здесь один раз и то давно. На робкий стук в оконце светёлки почему-то вышел её отец, высокий, плечистый старик. Остро глянул на Фрола. Одновременно приоткрыла окно заспанная Марфа. Увидев Фрола, вскрикнула:

– Что с Авдеем?

Фрол понял, что Авдея у неё не было, ничего не ответив, развернулся и бросился прочь. «Может быть, Авдей где-то задержался и придёт позже?» – чаял Фрол. Ему не хотелось верить в предательство товарища, но сомнение уже закралось. И голову сверлила мысль: «Дурак я. Что наделал, а? Зачем пошёл к Марфе? Ведь её отец был целых два срока десятским. Беглых переловил без счёту....».

---

⁹ Скупой

А тот действительно, недолго думая, запряг лошадку и отправился прямо к сотскому, хорошо ему знакомому по прежней службе. Старик не сомневался, что Авдей ударился в бега. Надобно его поймать и наказать. Он надеялся, что таким образом избавится от прилипчивого ухажёра дочери.

Быстро холодало. Через крышу ветхого строения, бывшего когда-то барской пасекой, проглядывали звёзды. «Эх, не догадался прихватить зипун», – сокрушался Фрол. Прилёг на шаткие полаты, кулак под голову. Но уснуть не мог. Невесёлые мысли овладевали им: «А если всё же Авдей обманул его? Куда бежать? Или вернуться? Будут спрашивать про Авдея... Сказать, что ни о чём не ведаю. А если Авдей всё выскреб, а вину свалят на него, Фрола? Запорют до смерти. Сколько крепостных под плетью испустило дух! Несть числа им. Что делать? Думай, Фролка, думай!».

Но додумать ему не дали. Сорвав хлипкую дверь пасечного домика, два дюжих десятских свалили Фрола с полатей и, заломив руки, туго связали их верёвкой. Один из десятских жалостливо посмотрел на парня и тихо молвил:

– Прости, малый, должность у нас такая.

– И куда вы меня?

– Пока в камору, потом барину, а там, глядишь, в солдаты или на каторгу, как твой господин решит.

– Тебя не спросят «куда», дубина, – оскалился второй, подталкивая Фрола к выходу.

Беглецы

Александр Петрович проснулся поздно. Некстати побаливала голова, и он ещё с полчаса нежился в постели, предаваясь мечтам. «Однако пора вставать. Нужно встретиться с Мироновым, ударить по рукам, опять же обмыть...», – довольно подумал он и позвал цирюльника:

– Авдюшка! Умываться!

Тишина.

– Кому говорю, умываться! Разленился, раб лукавый! Авдюшка! Кому сказал, подать умываться! – он начинал злиться.

В покой бочком вошла Ефимья.

– Вы изволили почивать, барин, – заикаясь, выдавила из себя она, – не хотела беспокоить. Авдея и Фрола дома нету.

– Как нет?! Где же они? – в гневе воскликнул Александр Петрович.

Кухарка виновато пожала плечами:

– Не знаю. Никто не видел, как уходили.

– Вон!!! – завопил барин, – и Ефимья всё также боком выскользнула из комнаты.

Да... Такого от своих слуг Александр Петрович не ожидал, видно, пронюхали, скоты, о предстоящей сделке.

Первая мысль – сокровища! Он прятал их под полом, и ни одна живая душа не могла об этом знать.

Алексей Петрович отодвинул кровать, привычным движением поддел доску над тайником ножом. Пусто! Мешок с самым ценным добром и деньгами исчез!

– Ах, подлые холопы! Мерзавцы! Авдюшка подсмотрел, гадина, куда я прячу! – схватился он за голову, – всё унесли! Мечты, чаяния, надежды на счастливую, обеспеченную жизнь. Господи, я беден, беден, как последняя церковная крыса. Да я – нищий! А как же столица, дом, Лизонька, её счастье!?

В бешенстве Александр Петрович стал крушить свою жалкую мебель. Его трясло. В конце концов, он сел на пол и заплакал от бессилия, от невозможности что-либо изменить.

Царапнулась в дверь Ефимья:

– Барин, чай кушать не изволите?

– Не беспокоить! – рявкнул он во всё горло и поперхнулся собственным криком. В голову лезли дурные мысли: «Подстеречь, убить аспидов и вернуть своё. Так, где ж их искать? Ищи ветра в поле. А если и найду, двоих не осилю. Нет, надо к исправнику. Но не скажешь, что ограбили, в чём и загвоздка. Все знают, что у меня нечего красть».

Было далеко за полдень, а барин всё ещё не пришёл в себя. Пропустил и завтрак, и обед.

Залаяли собаки. Чужой во дворе! Александр Петрович выглянул в открытое окошко и увидел у забора десятского Захара. Тот кричал через ограду Никодиму:

– Передай барину, что Фролку поймали! На старой пасеке, в Слёзках! В каморе сидит. Пусть барин зайдут к исправнику.

– Передам, Захар Ефремыч, – Никодим направился к дому, но барин остановил:

– Не трудись. Слышал сам.

Знакомый исправник встретил его приветливо. Он был доволен, что так быстро поймали беглеца, и предложил Бяратинскому, согласно закону, или забрать Фрола, или выпороть с последующей отправкой на каторжные работы.

– Сначала я поговорю с ним, если позволите?

– Что ж, сейчас приведут.

– Господин исправник, не могли бы Вы нас оставить наедине?

– Вообще-то, не положено, но только из уважения к Вам, Александр Петрович. Я, пожалуй, пройдусь немного. Засиделся с бумагами. Только недолго. Как закончите, позвоните в колокольчик и преступника уведут.

Через некоторое время Фрола ввели в кабинет. Вид у него был потерянный.

– Где, – схватил барин Фрола за ворот рубахи, – где, сам знаешь что?

– Не знаю. Я с Вами был. Пришёл – Авдея нет. Думал, что-то с ним случилось. Вчера с утра он про Слёзки говорил. Вот я и пошёл...

– Ты и не собирался бежать? – спросил вкрадчиво.

– Не-а, – прикинулся дурачком Фрол.

– И не знаешь, где Авдей?

– Не-а.

– Врёшь, холоп! – взревел Залесский. – Заладил: «не-а да не-а». Я тебя насквозь вижу! Вы сговорились ограбить меня и бежать. Да я до смерти запорю, если не скажешь, где мой мешок. Где? Говори!

Лицо барина покраснело, глаза налились яростью. Он тряс Фрола и уже не мог остановиться.

– Где Авдей, пёс шелудивый? Где прячется этот подлец?

Холоп смотрел на барина чистыми, правдивыми глазами, и у того даже закралось сомнение: может быть, Авдей действовал в одиночку. Он такой – хитрый, опытный, подлец. Но и этот хорош!

– Ах, не знаешь? Скоро узнаешь, узнаешь почём фунт лиха.

Фрол стоял на своём:

– Хоть убейте меня, барин, но ей Богу, не знаю ничего, о чём Вы спрашиваете.

Александр Петрович двумя руками схватил кучера за горло и сдавил его:

– Я задушу тебя, и мне за такую гниду, как ты, ничего не будет.

Фрол отрицательно дёргал головой, не в состоянии произнести и звука.

Барин, трясаясь от ярости, продолжал сжимать ему горло и орать:

– Ты у меня сгниёшь на каторге или забрею лоб. В рекруты отдам! Тебе-то на войне турки башку живо-то снесут.

– Что хотите, делайте, только я говорю правду, – наконец, смог сдавленно прохрипеть кучер.

У Александра Петровича опустились руки. Он позвонил в колокольчик, и Фрола увели. Вскоре вернулся исправник.

– Порите, ссылайте, – твёрдо сказал ему Александр Петрович, – там и второй ещё был, Авдей Попов.

– Как второй?! Да это же сговор! Статья совсем другая.

– Так, если того поймаете, я заберу его и сам выпорю.

– Нет уж, уважаемый Александр Петрович. Это дело серьёзнее, чем я думал. Будет следствие.

Действительно, сразу же завели дело. Допрашивали Александра Петровича. Справлялись о поведении Фрола и Авдея, об экипаже... Не могли дворовые ли взять его тайно, без разрешения барина? Вызывали к исправнику Никодима и чинили ему пристрастный допрос. Он, несмотря на побои, отнекивался. Говорил, что ничего не видел, ничего не слышал, у него, де, своя работа. Боялся худшего. Оказывается, в кучере кто-то опознал одного из разбойников, грабивших проезжие экипажи. Александр Петрович испугался, что доберутся и до него. Тут уж было не до богатства – свою шкуру надо спасать. Он быстро продал «имение», вместе с семьёй Никодима, Миронову, и отправился в Санкт-Петербург к государыне с прошением восстановить его на военной службе.

Однако решения императрицы, относительно его просьбы, пришлось ждать более трёх месяцев. Причём, в свой гусарский полк вернуться было невозможно, не было места, и он получил назначение на край света, в Азов.

Конечно, Александр Петрович навестил в пансионе дочь, но едва узнал её. Девочка вытянулась, похорошела, и, несмотря на казённое платье, смотрелась красавицей и аристократкой. Особой близости у Залесского с дочерью не было. Да и откуда ей взяться? Столько лет в разлуке! Он спрашивал, она кротко отвечала: «Да, папенька, нет, папенька», и расстались они довольно равнодушно. Но устроить судьбу Лизоньки как отец он обязан. И Залесский отправился на поклон к Барятинским. Для начала явился к самому князю, действительному статскому советнику, в присутствии. Но князь встретил его холодно, на обед не пригласил и, как обычному посетителю, велел изложить просьбу в письменном виде.

Пришлось писать о том, что он совершенно разорён, возвращается на военную службу и просит позаботиться его дочери, Лизоньке, которая доводится князю внучатой племянницей и скоро должна выйти из пансиона.

Прочитав бумагу, князь нахмурился, подумал немного и принял Залесского. В приватной беседе он пообещал, что по окончании пансиона определит Лизу воспитанницей к одной из двоюродных тёток.

– Ещё не знаю к кому, надо подумать, но за дочь будь спокоен. Служи! Грядёт новая война с турками.

Это было не совсем то, на что надеялся Александр Петрович, но всё же Лизонька будет жить не у чужих людей; по происхождению она знатного рода, а потом, кто знает, может быть, подвернётся хорошая партия, она выйдет замуж и будет счастлива.

Между тем, деньги, вырученные от сделки с Мироновым, таяли на глазах. А ещё надо было купить коня, заказать новый мундир, предстояли и дорожные расходы. Цена лошади для гусар обычно достигала сорока рублей¹⁰, мундир – не менее десяти. . . . Не раз Александр Петрович проклинал своего хитроумного и подлого раба Авдея и думал о том, как пополнить кошелёк. У него был ещё один способ, даже менее опасный, чем разбой. Однако после того, как он проиграл приданое жены, которое предполагалось умножить и отдать за Лизонькой, Залесский поклялся в карты больше не играть.

---

¹⁰ Гусарская лошадь могла быть любой масти, но не выше 2 аршин 2 вершков (151 см) и не ниже 2 аршин (142 см). Это и определяло высокую цену животного.

Одного поля ягоды

Степан пробирался на юг, избегая полей с житом, набирающим колос, и теряя счёт дням. Всё чаще леса чередовались с открытым пространством, по которому можно передвигаться только ночью. Опасность быть пойманным усилилась. Усталый, оборванный и голодный он вышел к тракту, вдоль которого тянулась дубрава. Степан сорвал жёлудь. Крепкий. Да и не свинья же он. Хотелось есть, но рано: ел он один раз, в полдень. За пазухой был узелок с краюшкой хлеба. Он время от времени прикасался рукой к этому малому бугорку, что давало ему силы идти дальше. А куда, он и сам не знал, лишь бы не поймали, не запероли до смерти.

Вдруг впервые за долгое время послышались человеческие голоса, много голосов, гам – не различишь слов – и лязг желез. Он спрятался за толстое дерево и стал смотреть на дорогу: гнали заключённых. Но, должно быть, там что-то случилось. Орала конвоиры, возмущались каторжники, разрушая строй, – у них изуродованные лица, ноги в кандалах. Конвоиры, гарцуя на конях вдоль колонны, стреляли по деревьям. Степан убрал голову и приник спиной к стволу дуба. До него донеслись крики охранников:

- Стой! Стрелять буду!
- Держите, держите злодея!
- Стройтесь, псы поганые!
- Кажется, подстрелил, Ваше благородие!
- Если не убил, то ранил. Всё равно подойдет, вошь беспортошная!
- Поспешай! Поспешай!

Этап тронулся. Степан стоял, не шевелясь, пока не стих лязг кандалов. Надо идти и, главное, – незаметно пересечь тракт. Вдруг хрустнула ветка. Он настороженно замер. Показалось? Сделал несколько шагов, наступил на грибное семейство и упал, плашмя, на спину. С трудом поднялся – видимо, зашиб поясницу, и вздрогнул от неожиданности, услышав совсем близко голос:

– Эй, не робей, воробей!

К Степану приближался юркий чернявый парень его лет, весь обросший и похожий на цыгана. На ногах – обрывки цепей.

- Ай, медведь неуклюжий! – весело воскликнул он.
- Ты кто? – напрягся Степан, принимая стойку для защиты.

– Кто, кто? Дед Пихто! Беглый я, – он приподнял ногу, – видишь оковы! Разбить их надо и бежать, пока не одумались стражники. А ты кто?

Степан понял, что парень – его поля ягода, и нет смысла хитрить:

- Тоже беглец. Ушёл от барина.
- Значит, надо вместе держаться. Пошли со мной на Дон! Там воля!
- Воля, – мечтательно повторил Степан.
- Тебя как зовут-то? – продолжил разговор парень.
- Степаном кличут. А тебя?
- А я Фрол. Ну, давай, товарищ, помогай!

Степан нагнулся и попытался руками разогнуть железы на сбитых ногах каторжника, и это ему бы удалось, но Фрол рассмеялся:

– Что ты, руками? Богатырь нашёлся. Да ты камень поищи, у дороги их много. Был бы нож, можно б звенья цепи-то разогнуть.

На удивление Фрола Степан вытащил из-за пояса кинжал с украшенными драгоценными камнями рукоятью и начал им орудовать.

- Откуда такой? – заинтересовался Фрол. Степан промолчал.
- Ой, больно! Осторожней, медведь!

Наконец, кандалы спали. Фрол довольно потёр ноги. Степан увидел на левой щиколотке ранку, и жалостно глянул на товарища.

– А как ты думаешь в железах идти, легко ли?! – бодро воскликнул тот и предложил:

– Ну что, пойдём? Только в одно местечко заглянем. Это близко.

Их путь пролегал по знакомым Фролу окрестностям. И не так далеко – Слёзки. Сидючи в камере пересыльной тюрьмы, он перебирал все места, где Авдей мог укрыть сокровища. Не с мешком же он бегал. Фрол представлял, куда бы он сам мог на время спрятать ценности, пока всё не уляжется.

«Думай, думай, Фролка, – говорил он себе, – вдруг сбежишь по пути на каторгу, и тогда очень пригодятся бариновы денежки».

И однажды, уже после оглашения приговора, перебирая в памяти разговоры с Авдеем, вспомнил одну из последних бесед, о каторжниках. Тот рассказывал, что в детстве повстречал в лесу могучий дуб, вернее, три сросшихся дуба. В одном из стволов было нижнее дупло, по которому можно было забраться наверх и выйти через другое, верхнее дупло или через дупло соседнего ствола. Авдей мальчишкой часто играл в дереве. «Но однажды, – рассказывал он, – я пришёл туда и только просунул голову в дупло, как увидел в нём отвратительное страшилище, обросшее волосами, худое и грязное. Это существо было без носа и языка. Оно мычало и показывало на рот. Я подумал, что оно хочет меня сожрать, очень испугался и – стрелой помчался домой. Об этой встрече поведал отцу.

– Беглый каторжник это, пугачёвец, не иначе. Ты, сынок, не ходи туда, поберегись, – предупредил он меня, – опасно это.

– Ужас какой для дитяти, – посочувствовал товарищу Фрол.

– А то. Чуть со страху не помер.

– И что ж с ним стало, с каторжником?

– Не знаю. Я даже думать о нём боялся. А ты о Пугачёве слыхал?

Фрол утвердительно качнул головой, с любопытством посмотрел на Авдея.

– Я помню, малец ещё был, как ему анафему в церквушке нашей, в имении, провозглашали. Согнал барин всех холопов. Поп из уезда приехал и прочитал царский указ, а потом дьячок и причетник замогильными голосами запели: «Анафема! Анафема! Анафема!». Дети заплакали, бабы тоже начали реветь. Я выскочил тогда и домой. Забился под полати, ели вытаскивали. Потом именем разбойника часто грозили непослушным ребятам у нас в Слёзках. А я так был напуган, что больше в том месте и не бывал. Может быть, и сейчас стоит этот дуб за старой мельницей и устрашает ребятишек».

Фрол тогда же и решил, если выпадет случай оказаться рядом со Слёзками, обязательно проверить дупло. И вот пришло время!

Шли новые знакомые не более часа. Остановившись на опушке дубравы под раскидистым деревом, Фрол кивнул на него Степану:

– Ты посиди тут в теньке, я скоро.

Степан уселся под деревом и, посмотрев вслед Фролу, развязал жалкий узелок с кусочком хлеба, луковицей и щепоткой соли. Вздохнул и завязал узелок снова. Ныла ушибленная спина. Степан вытянулся на мягкой, густой траве и сразу уснул.

Удивительное дело, Фрол нашёл старую мельницу довольно скоро. Крадучись, озираясь по сторонам, перебрался через открытое пространство. Мельница стояла когда-то на речке. Но лет пятьдесят как речка та высохла или поменяла русло, строение обветшало и рассыпалось. Страшно было подойти к нему близко: вот-вот завалится совсем. Где же дуб? Обойдя мельницу кругом, он увидел в полуверсте полоску зелени. Всё так же, с опаской, двинулся к ней. Шёл долго, прислушиваясь и пригибаясь к высоким луговым травам.

«Наверное, это и есть старое русло реки, – подумал он, – а лес был на другом берегу. А вот и насыпь! По ней, видно, Авдей перебирался на тот берег».

Фрол пошёл вдоль насыпи.

Дуб он увидел сразу: огромный, десять человек не обхватят, старый, кряжистый. Так и есть – три сросшихся ствола! Сердце гулко стучало, ладони намокли от волнения. Пан или пропал! Неужели догадка зряшная? Ай, не робей, воробей!

Так, дупло есть, – Фрол заглянул внутрь дерева. – Ба, да тут целая пещера! Темновато, правда. Пригляделся – сокровищ не видать. Что, Авдей – дурак, чтобы на виду их оставить? Нет!

Дупло уходило к вершине. Фрол, цепляясь за коряги, полез вверх. Никаких ответвлений, а над головой уже круг дневного света. Разочарование охватило его. Хотел уже уходить. Потом пришли мысли. Что сделал бы он, чтобы скрыть схорон?

Забил бы ответвление чем-нибудь – сухой травой, к примеру, дёрном, мелкими ветками. Надо поискать слабое место.

Фрол спускался вниз и внимательно осматривал стенки дупла. Ткнул кулаком подозрительную труху, и сразу же открылся ход в дупло второго ствола. Он пролез в соседний ствол и увидел впадину, прикрытую сеном – в ней лежал мешок, тот самый, барина!

Выйдя на божий свет, Фрол торопливо развязал находку. Вот они, барские сокровища! Ассигнации! Золото! Серебро! И табакерку хозяина Авдей, стервец, прихватил! Ни с чем оставил господина. То-то он лютовал тогда у исправника. Чуть не лопнул от злости.

Фрол явился перед Степаном радостный, с мешком в руках. Похлопал ласково по нему и перекинул через плечо.

– Ну, всё, пошли, Стёпа. Теперь не пропадём. Поесть-попить будет на что. Не робей, воробей!

Степан с подозрением посмотрел на него:

– Тать?

Фрол рассмеялся, озорно тряхнув кудрявым чубом:

– Да что ты, что ты? Шёл, шёл и нашёл.

– Где ж такое добро валяется? – спросил недоверчиво Степан.

– А тебе, Стёпа, лучше не знать про сие. Ты ж мне тоже не сказал, откуда у тебя кинжал. Давай лучше поменяемся. Я тебе табакерку с камешками, а ты мне кинжал.

– Не-а. Зачем мне она. Что я барин-боярин? Я не нюхаю табак, а кинжал мне самому нужен.

– И то, правда, – согласился Фрол. – Ладно, а теперь пошли на вольный Дон, там много таких, как мы... От несправедливости люди бегут...

– А земля там есть?

– Зачем тебе земля? В казаки запишемся – добыча и так будет у нас!

– Не, я землепашец, Фрол. Ради воли и земли пошёл бы, а в казаки не хочу.

– Успокойся, Степан, земли там много, бери, сколько влезет... Не хватит на Дону, пойдём в Задонье.

– Это к черкесам?

– И там живут люди.

– Только, давай, Фрол, поедим, у меня немного хлебца есть, – Степан полез за пазуху.

– Да тут и птахе малой не хватит, – скривился Фрол, посмотрев на краюшку.

– Что есть, то и будем есть.

– Благодарствую. А погоди, скоро и я тебя угощу. Вот доберёмся только до хлебных мест, до воли.

На «вольном» Дону

Петровки. Макушка лета. Степан и Фрол, оборванные, чёрные от загара, обросшие, усталые, брели по пыльной дороге. Разливалась июльская жара. Солнце стояло почти над головой. Вдали на синей полоске горизонта, там, где небо встречается с землёю, воздух дрожал от зноя, словно волновался. Вот над полоской появился синий пояс, затем ещё один, третий... У Фрола закружилась голова.

– Я тебе говорил, что надо идти ночью. А ты – «быстрее, быстрее»... Солнце печёт, жара, как в аду, да и опасно, – ворчал он.

– Мы уже на Дону, чего же бояться. Ты говорил, что здесь воля. А жару пересидим. Вишь, деревья, озеро... Заодно искупаемся.

Вода оказалась довольно холодной, видно, озеро питается родниками, но зато придавала бодрости. Друзья, отдохнув в тени прибрежного терновника и пожевав хлеба, вскоре продолжили путь. За озером в полуверсте показалась станица.

Надо сказать, пройдя липецкие и воронежские селения, друзья повеселели. Можно идти, почти не скрываясь: на пыльных степных дорогах пусто, иногда встречался, правда, жеманный люд, но вроде них, такой же оборванный и, можно сказать, дикий.

В станицах и хуторах казаки странникам хлеба не подавали, угрюмо сопровождая их взглядами, многие крестились и плевали им в след. Пищу можно было либо купить, либо заработать. Степан и Фрол кое-что прикупали, но старались нигде не задерживаться, у местных не ночевать и упорно шли к цели, к славному батюшке-Дону.

Но в центре одной из станиц их внимание привлекло необычное зрелище на майдане. Здесь собралось много молодых людей, хотя стояли и почтенные старики, и сам атаман. Было шумно и весело. Кудрявый светлоголовый казачок в парадном обмундировании и в расстёгнутом зипуне¹¹ (это летом-то!) гонялся по кругу за невысокой смуглой девицей с озорным выражением лица. Пот застилал глаза парня, он запыхался. А девка всё не давалась, манила и убежала, как в детской игре «пятнашки». Толпа казаков подзадоривала молодца криками:

– Быстрее, быстрее! Ай, упаришься, казак!

– Догоняй!

– Давай, покрывай её!

– Слева, слева заходи!

– Ишь, какая юркая!

Наконец, парню удалось догнать девку и накрыть её полой зипуна. Она сразу посерьёзна, опустила очи к долу. Затем молодые стали рядом и поклонились поясно во все стороны.

– Ты будь, Акулина, мне жана! – гордо провозгласил казачок.

– Ты, Клим Иваныч, будь мне муж! – в ответ произнесла девица, скромно склонив голову.

Степан и Фрол стояли в отдалении, вместе с женщинами, детьми, с удивлением следили за диковинным действием.

– Что это, игрища? – спросил Степан стоявшего рядом парнишку.

– Свадьба! – засмеялся он, – вы, что не видите? Вон уже атаман выходит.

– Любо ль, молодцы-удальцы, благословить новых мужа и жену? – воскликнул атаман и первым закричал:

– Любо!

– Любо! Любо! – подхватили казаки.

¹¹ Зипун – старинный русский кафтан без козыря (стоячего ворота), вообще крестьянский рабочий кафтан от непогоды, из понитка, домотканого сукна, белого, серого, смурого, иначе: шабур, чапан, сермяга...

Но тут на площадь въехало несколько вооружённых конников. Они подсакивали к мужикам, которых можно было без труда, по одежде, отличить от станичников, заглядывали им в лица. Двоих уже скрутили. Фрол, заметив колыхания в толпе, вырвал взглядом происходящее, дёрнул Степана за рукав:

– Смываемся, кажись, по нашу душу.

Бочком, бочком, укрываясь за спинами зевак, друзья покинули майдан и быстро устремились вон из станицы.

– Что? Что ты увидел? – спросил запыхавшийся Степан, когда они выбежали за околицу и остановились.

– Беглых вылавливают.

– Откуда тебе знать?

– Похоже на то, пошли скорей отсюда.

– Вот тебе и вольный Дон. Видно, никуда нам не скрыться, – разочаровано прошептал Степан, догоняя Фрола.

– Ничего, Стенька, столько уж пройдено.... Придумаем что-нибудь, – обнадёжил друга Фрол.

На третий день они, наконец, вышли к реке и ошеломлённо замерли. Широкий и могучий в приволье степей раскинулся красавец Дон. Зелёные деревья обступили его с обеих сторон изумрудным ожерельем. Они отражались в водной глади, словно любовались собой, и лёгкий ветер играл в их вершинах. Под ясным солнцем, на просторе, медленно плывёт великая река. Не бурлит, не волнуется, будто дремлет на песчаном перекате.

– И в правду, Тихий Дон, – взволнованно прошептал Степан.

Запах реки и трав, парящий орёл в поднебесье, высокая синева – всё трогало души путников. Им верилось и не верилось, что это конец их долгой дороги к Дону.

Стоя на крутом прибрежном утёсе, приумолкли, призадумались друзья.

«Ох, как бы хотелось вот так, всю жизнь, дышать вольной грудью, любоваться плавными водами великой реки, землю пахать, жито сеять на степных просторах, детей растить», – мнил себе Степан.

«Только б здесь не достали царские слуги. Надо в казаки записываться. В войске не найдут. Только как это сделать? Нужны подходы, придётся знакомыми обзавестись, приятелями. Всё выведавать, – размышлял Фрол, – только в последней станице, где они со Степаном проходили, иное видится. И тут ищейки не хуже тех десятских, что схватили его тогда, на пасеке». Долго они стояли так-то. Жаркое июльское солнце двигалось к зениту, давали о себе знать голод и жажда. А в низине раскинулся утопающий в зелени городок, который так и манил к себе усталых путников.

– Давай зайдём в трактир, щец похлебаем! – предложил Степан.

Фрол подумал о том, что их могут поймать, но всё же узнать надо – охота на беглых была случайной или везде так, – и он согласился со Степаном.

Городок представлял собою скученное поселение с кривыми улицами, обнесённое двойным плетнём, набитым глиной. На воротах стоял казак, он лениво посмотрел на пеших оборванных путников и пропустил. Товарищи уже не удивлялись странным домам – высоким и низеньким, бедным и богатым, но все они – с длинными узкими окнами, крылечками, ровными стенами, обмазанными глиной или оббитыми узкими дощечками. Насмотрелись на них за долгий путь по землям Войска Донского.

В центре городка перед ними открылась площадь, на которой располагалось несколько крепких двухэтажных домов с парадным крыльцом, деревянным балконом и коваными решётками на окнах.

На закруглённом, построенном из кирпича доме висел резной деревянный крест. Приятели, догадавшись, что это церковь, хоть и без купола и колокольни, перекрестились. На другом здании под камышовой крышей на вывеске был намалёван несколько кривой самовар.

– Вон, гляди, трактир! – первым увидел вывеску Фрол, и приятели направились к большой раскоряченной мазанке. Вошли в просторную закопчённую комнату, с низкими потолками с двумя белёными сволами¹². Но и тут жара, да ещё и несметное количество мух.

Фрол заметил, как трактирщик смерил их презрительным взглядом и зло прошипел, вытирая пот на красном рябом лице:

– Кацапы явились....

– Здравствуй, хозяин ласковый, – усмехнулся Фрол, – поешь дашь?

– Деньги-то у вас имеются, гольтепа? Я даром не кормлю.

Фрол утвердительно кивнул головой. Хозяин махнул рукой на дальний угол. Там уже сидел, старый казак в синей выгоревшей рубахе и таких же шароварах. Товарищи подошли к нему и, поздоровавшись, сели напротив. Казак, молча кивнул.

Мальчик принёс тепловатую похлёбку со щавелем и хлеб:

– Хозяин спрашивает: вино вам подавать?

Степан отказался и посмотрел на Фрола. Тот тоже отрицательно покачал головой. Хлебнули варево. Бр-р! Кислятина! Но голод не тётка, брюхо набить нужно.

– Винцо бы пригодилось.... Чтоб легче помои эти проскочили, – заметил Фрол.

– Да и вино, наверное, такое же.

Хлопнула входная дверь и на пороге появился «чистый» господин. Только посмотреть! Хозяин изогнулся в поклоне, заюлил, как ужас, сам схватился за поднос. Тьфу! Оказывается, у него есть борщ со свиной, и жаркое из гуся, и рыба, и пирог....

Казак, отпивая мелкими глотками вино, сочувственно посмотрел на приятелей и зашептал:

– Тикать вам надо, ребята. Одежда у вас .... Да вдвоих ишо.... Беглые, небось?

Фрол ощерился:

– А тебе-то что?

– Ай, ничего. Жалкую, – сочувственно ответил казак.

– Ты себя пожалей, ага, – огрызнулся Фрол.

Степан кинул осуждающий взгляд на Фрола и, миролюбиво посмотрев на казака, задал ему главный вопрос, мучивший его с тех пор, как они ступили на землю Дона:

– Отец, а где ж здесь воля?

– Воля? – отозвался тот, – а нетути её. Как умилили Емельяново войско, донские богатыни – казачья старшина – предали-то простых казаков. Теперь всех подозрительных бесперечь ловят и выдают царским слугам. Непросто казакам на Дону. Казак – только слава. Как у нас гутарять: «Хоть жизнь собачья, так слава казачья». Идите в Задонье, на Кубань! Там пока ни царей, ни чиновников. Земля непаханая. Рыбы в реках видимо-невидимо, стоймя стоять. Вашего брата много туды подалось. Уж и хутора там есть, и станицы. А отседова уходите. Не нравятся мне энтот господин.

Он глазами показал на человека в серых панталонах и сюртуке. К тому за стол подсел трактирщик, и они любезно беседовали.

– Отец, а как через Дон перебраться-то? Он широкий вон какой! Не переплывёшь, – виновато полюбопытствовал Фрол.

Казак ухмыльнулся, стрельнул глазами по сторонам и зашептал:

– Это так. И хоть величают его Тихим, бушевитый бывает – страсть. Можно пойтить через станицу Цимлянскую с обозом и сменой казаков на кордоны. Там уже они вдоль всей

¹² Свб́лок. – балка, поддерживающая потолок.

реки Кубани есть. Суворов Ляксандра Васильич расстарался, редутов понастроил. Но вы, я вижу, на глаза начальникам не хотите попадаться? Тады, если заплатите, помогу вам здесь переправиться. За копейку... Как? – вопросительно посмотрел.

Приятеля, молча, переглянулись.

– Ну, семак..., – снизил он цену и продолжил, – такое дело затеяли, а жалко денежки..., что ж, хозяин-барин...

Фрол вздохнул:

– Да, что ты дядя, бери...

Отвернулся на миг к стенке, вздыхая, протянул казаку монету.

Тот чуть не поперхнулся глотком вина:

– Да ты... Кругом глаза... – но, всё же, воровато оглянувшись по сторонам, старик выхватил из рук Фрола семачок:

– Не фальшивый? Ладноть. Пошлю вас к одному человеку, куму моему... Выйдите за ворота и двигайтесь вблизи берега вёрст семь, и обочь будет хутор вам, Черёмный. Там проживает Павел Геврасимович Черёмный. Он и есть мой кум. Скажите, прислал дядька Трофим с делом. На ту сторону, мол, надо. Расплатиться с ним найдётся-то чем?

– Не беспокойся, дядя, не обидим твоего кума, – обречённо пробормотал Фрол.

– Да, послушайте: баба у кума – змеюка, не зачинайте с ней спорить или гутарить об чём-нить. Каждого переговорить и голову заморочить. Ну, энто я так, к слову. А Павел – казак добрый. Договоритесь.

– Ну, мы пойдём. Благодарствуем, дядя, за совет и помощь, – приятели поднялись из-за стола.

– Ну, тады прощевайте, ребята. Помогай вам Бог! – Трофим окинул взглядом присутствующих в трактире и принял равнодушный вид.

Степан и Фрол, расплатившись с трактирщиком, вышли на улицу. Но теперь новость, оброненная Трофимом о преследовании на Дону беглых крестьян, заставила приятелей осторожничать. Значит, не случайно хватали тогда на майдане мужиков. Приказ начальников был.

И вот ступают они по городку, оглядываются, не идёт ли кто следом. Однако за ними увязалась только рыжая облезлая собака.

Казачьи хаты в городке, в основном, бедные, как избы крепостных в их деревнях, только крытые не соломой, а камышом. Фрол увидел лачугу с гордой вывеской «Лавька», заинтересовался.

– Степан, я сейчас. Ты спрячься, хотя бы вон там, в кустах. Я сейчас, быстренько, – и он нырнул в перекошенную дверь жалкой хатки.

Вышел Фрол нескоро, зато его руку оттягивали два объёмистых узла.

– Заосеняет скоро, – пояснил он. – Вот, купил у старьёвщика. Не смотри, что одёжа не новая, зато крепкая. Это тебе, – протянул Степану узел, – это мне. Давай переоблачимся. А то правду сказал дядька Трофим, за версту видать, что мы беглые.

Спрятавшись в придорожные кусты, приятели переоделись. Увидев друг друга в новом наряде, расхохотались:

– Смотри-ко, Фрол, ты вылитый управляющий наш, Эраст Наумыч.

– А ты, Степка, на купца смахиваешь, в кафтане-то. Экой справной! Только тела набрать больше. То, бишь, пуза.

Фрол протянул Степану мешок, такой же, как у него, может быть, чуть старше:

– Держи! Это тебе. Положи свою одёжу, потом, может быть, разживёмся ещё чем...

– Спасибо, товарищ, но ты знаешь, что я с тобой расплатиться не смогу. И так уже у тебя в долгу.

– Какие счёты! – засмеялся Фрол, – на том свете «воздастся по делом нашим», вот и рассчитаемся по-божески.

– А это что? – воскликнул Степан, разворачивая суконную штуковину, вроде мешка без дна.

– Башлык у местных называется. Голову накрывают сверху шапки, и завязывают концы сзади, когда снег, ветер... Там в него ещё чиррики завернуты – такая лёгкая обуза. Вон, выпали! Складывай, Степан, «обновки», и пойдём, а то до вечера не управимся. И ты бы, на всякий случай запрятал свой кинжал подале. Чего за кушак его заткнул? Чтоб все видели, как каменья сверкают? Не смотри, что красиво. За них башку скрутят, и охнуть не успеешь.

Степан, послушно сунув оружие в мешок, закинул его на плечо, просительно глянул на Фрота:

– Не найдётся ли у тебя хлебца. Дай псу, смотри, какой он голодный.

– Вот ещё, а самим что шамать потом?

– Ну, дай, у меня нет ничего.

Фрол неохотно отломил кусочек от ковриги и протянул товарищу. Степан ласково погладил собаку и положил перед ней хлеб.

– На, псина, ешь. Вишь, как оголодала, бедняжка.

– Ну, пошли, пошли, ишь расслонявился, – поторопил Фрол.

– Очень я животинку люблю, – пояснил Степан, – и для хозяйства скот всякий. Лошадей, коров. Козочек там, птичек....

Помню, маленьким был, собачонка Жучка у меня жила. Сама чёрненькая, а на лбу – белый лоскуток. Так она мне – первый друг. Застрелил барин. Давно было, а помню язык её шершавый и сейчас. Лизнёт меня в щёку – жалеет, значит. А ещё вепрь был, как привязанный за мной ходил....

– А мне всё равно. Коней, конечно, уважаю, а так..., – перебил его Фрол.

Они шли, сытые, чисто одетые, по улице городка, но тревога охватывала их всё глубже. Злобно лаяли собаки.

– Что это на нас собаки брешут? Людей что ли не видали? – удивился Степан.

Фрол сердито ответил:

– А то не на нас. Вишь, прикормил кобеля. Теперь не отстанет. Пшёл!

Пёс действительно бежал за ними, виляя грязным хвостом. Но камень, пущенный Фролом, отпугнул его.

Казак в воротах также беспрепятственно их пропустил, как впустил, может, только удивлённо посмотрел. Видно, узнал прежних оборванцев.

На дороге показалась несколько баб, идущих с грядок. Все дородные, как на подбор! На коромыслах вёдра с огурцами. Смеются казачки, переглядываются.

– Что раззявил рот? Давай в канаву! – ткнув Фрота в бок, зашипел Степан.

Одновременно упали на землю и скатились на обочину, в лопухи.

– Ой-ёй! – заорал Степан.

– Тсс! – цыкнул Фрол.

– Ой, ой! Больно, вишь!

– Терпи, бабы пройдут.

– Потерплю-ко, ужо.

Казачки поравнялись, одна завела песню, так не похожую на те, которые пела его Степанида. Жена тихо начинала, плавно, песня словно обвивала Степана и убаюкивала. А эта – горланит. «Нет, – подумал Степан, – наши бабы лучше поют».

Фрол подождал, пока огородницы скроются из виду, подошёл к Степану:

– Ну что там?

– На ежа попал. Посмотри! Ой-ёй! – заголился Степан.

– Ух, ты, как искололся! Дай, вытащу иголки! – Фрол выложил колючки на ладонь. – Вот так, четыре штуки! Ты чего баб-то испугался?

– А кто его знает? Опасно так-то не скрытно идти. Вдруг будет облава! Пойдём по самому берегу. Там, вроде лесочек или рощица, – предложил Степан.

– Твоя правда. Да и дядька Трофим велел идти вдоль берега.

На хуторе Черёмном

Вечерело, когда приятели подошли к одинокой, не огороженной плетнём хате, укрытой камышом. Под развесистой яблоней стояла вбитая в землю деревянная скамья, рядом сарай, базок, дальше грядки. Собаки почуяли путников и разразились громким лаем.

– Наверное, тот самый хутор, о котором дядька Трофим говорил, – почему-то зашептал Степан, прячась за кустом пышной калины.

На порог вышел хозяин – основательный казак средних лет, коренастый, с головой слегка тронутой сединой, всматриваясь в сумрак, спросил:

– Кого Бог привёл? Если добрый человек, выйди, покажися, если злой, мимо проходи!

Товарищи подошли к казаку:

– Здравия желаем, хозяин. Нам нужен Павел Черёмный. Мы от кума, Трофима.

Павел вышел навстречу, прищурившись, оглядел округу:

– Здорово дневали! Ну, я Павел Черёмный, можете взойтить. А собака с вами?

– Ты гляди, Степан, пристала!? – удивился Фрол.

– С нами, с нами! – обрадовано воскликнул тот.

– В хату не пушу. Пусть сидеть у двери, я ей костей вынесу.

Гости через тёмные сенцы прошли в горницу Павла. Напротив входа висела божница в пучочках засушенных трав, сверху накрытая вышитым полотенцем. Перед ней чадила лампадка. Здесь же в углу, под святыми образами, – стол. Слева – белёная печка, заставленная чугунами. Далее – некрашенная лавка. На стенах висели ружья, сабли, конская сбруя. У окна – старый кованый сундук. Дверь в боковушку завешена дерюжкой.

Степан и Фрол перекрестились на красный угол, поклонились:

– Здравствуйте в вашем доме.

– Садитесь, ребята, – пригласил хозяин, – какая заботушка привела вас ко мне?

Фрол сразу приступил к делу:

– За Дон хотим перебраться, дядя.

Павел недоверчиво крякнул, спросил:

– А деньги есть у вас? Или золотишко? Расплатиться надобно.

Из боковушки выскочила высокая, худая, как жердь, баба с жиденькой скрученной на затылке косицей и, воткнув кулачки в костлявые бока, выжидательно уставилась на гостей.

Фрол поник от её буравящего взгляда и чуть слышно проговорил:

– Есть... деньги.

– Ну, и ладно, – успокоился хозяин. – Зачем вам в Задонье, почему – не спрашиваю. Этого мне не нужно знать. Стемнеет совсем, я на бударке перевезу вас на тот берег.

– Бударка? А что это? – спросил Степан.

– А это по нашему так называется одновёсельная лодка, – как несмыслёнышу пояснил Павел Степану.

– А.... Понятно, – виновато моргнул тот..

– Так вот, мужики, за перевоз надобно заплатить пятак. Бывальча, в неделю один – два человечка переправлял, а таперя, почитай, кажнуйа ночь катаюся по Дону. Много народу жалатить воли. Вечерять-то станете?

Баба сверлила гостей глазюками.

– Да, вроде, ели в трактире, – под её взглядом отказался Степан. – Там и с Трофимом познакомились.

– А вот в дорогу бы харч нужен, и какая-нить посудинка – добавил Фрол.

– Какая-такая посудинка? – взвилась Павлова жена, – кубыть, блюдо вам золотое для жареных лебедей? Обойдётся!

– Цыть! – прикрикнул на жену Павел, – уйди с глаз!
Недовольная баба, ворча, скрылась за дерюжкой, но приятели всё равно чувствовали её незримое присутствие.

– Приготовлю, конечно, запасы нужны в дорогу, – согласился хозяин.

– Тоже недаром! – выкрикнула из-за дерюги баба.

– Да, конечно, – согласился с женой Павел.

– Уж как положено, не обидим. Возьми по чести, – подтвердил Фрол.

Павел деловито осведомился:

– Оружью имеете при себе? Пистоль, пику, саблю, нож?

– Нет, только кинжал, – ответил Степан, с любопытством разглядывая развешанное по стенам оружие. Фрол встал и тоже подошёл к стене с оружием.

– Плохо! А саблей рубать умеете?

Фрол весело хмыкнул:

– А что ж, чаю, небольшая наука.

Павел, усмехнувшись, уточнил:

– Гм, казаки с молодых ногтей ей обучаются, и то раз на раз не выходить. Турок тоже саблей неплохо машет. Сабли нужны.

Фрол, хитро улыбаясь, принял игру хозяина:

– А где их взять?

– Я вам продам.

«Ну, этот не слезет, пока не обдерёт, как липку. Сурьёзный мужчина. Что ж, буду торговаться», – приготовился Фрол.

– А сколь надо заплатить?

– Не меньше полутора рублей, – твёрдо ответил Павел.

– Какие у вас тут цены? Таких цен и не бывает, – возмутился Фрол.

– Я вас не заставляю покупать. А только без оружия в Задонье делать нечего. Не выколашивайтесь, беритя, – настаивал хозяин.

– Может, сбросишь? Дорого!

– Ишь, какой! Не жмися, я за каждую саблю большие деньги платил.

– Дядя, войди в наше положение! Перевоз, харч, оружие... – жалобно перечислял Фрол траты, зажимая пальцы.

– Зато я вам дешевле отдам ружжо, – нашёлся хозяин.

– А на кой нам оно?

– Пригодится, не гулять идёта. Мне байдуже, а вам жизнь спасёт.

Под таким напором Фрол сдался:

– Ну, показывай своё оружие!

Павел открыл сундук:

– Здесь, у рундуке усё для казака нужное. Амуниция, оружие. Вот сабли! Он выложил на стол несколько сабель. Любовно вынимая их из ножен, предложил приятелям посмотреть. Они внимательно разглядывали каждую, трогали лезвие. Фрол заметил неровности на одном:

– Да тут зазубрина!

– И на этом тоже, – обнаружил зазубрины на другом лезвии Степан.

Павел, нисколько не волнуясь, принял возражения покупателей и спокойно проговорил:

– Я и не говорил, что оружие новое. Потому и отдаю так дешёво, что в битвах побывало.

Приятели отложили две более острые сабли с надёжными гардами. Затем продавец достал из сундука старинное ружьё с блестящим от времени и рук владельцев прикладом и тоже положил перед приятелями на стол:

– А вот ружжо!

Фрол нехотя посмотрел:

– Тоже старое.

– Ну, что? Зато пристреленное. Всего рубль! И с полной пороховницей! Как, по рукам?!

Фрол тяжело вздохнул:

– По рукам.

Ударили по рукам. Залаяли собаки.

– Посмотрю, чего гавчуть, заодно и покормлю, – проговорил Павел и вышел из хаты.

Посчитали: три рубля за сабли, рубль за ружьё, гривенник за перевоз и две копейки за еду – всего четыре рубля двенадцать копеек.

Переглянулись. Как достать деньги, если баба наблюдает, и занавеска ей не преграда? Вон, колышется. Степан своим мощным станом загородил Фрола, и тот, влезши чуть ли головой в мешок, отсчитал деньги.

– Что ваша собака три дня не ела? Набросилась на кости, как дикий зверь, прям, чистый волк! – воскликнул, входя в комнату, Павел.

Фрол протянул ему деньги. Тот внимательно изучил монеты, попробовал их на зуб, бережно завернул в тряпицу и спрятал за пазуху. Баба высунулась из-за дерюжки.

– Дядя, а что там, в Задонье? Какая жизнь? – не утерпел, чтобы не спросить, Степан. – Жизнь везде, ребята, одинаковая. Не ты её, так она тебя, – промолвил, хозяин, замыкая сундук, – воля манить многих. Ищут её, добиваются. А Задонье – степь бескрайняя, реки полноводные, зверь непуганый, птица несчитанная. Но ухо держи востро. Есть разбойники, как везде по Руси и по Дону. Есть черкесы, турки, ногаи, другие племена. Вот что я скажу: надо коней вам раздобыть. Верхи легче. Но у меня продажных коней нету, – вздохнул Павел. Потом ещё раз вздохнул, жалостно посмотрел на приятелей:

– Ладно, пойдём харч собирать. А вы пока побудьте в хате, отдохните.

Павел с женой вышли.

Фрол уместился на лавке, вытянув ноги. На щиколотках в тех местах, где тёрлись кандалы, появились ранки, которые он припорашивал пеплом от костра. Сейчас они воспалились. Но не это его беспокоило.

– Стёпа, Стёпа, не спи, – прошептал он, – хозяйева нарочно оставили нас одних, чтобы мы уснули. А потом придут, тюкнут топором, и всё – денежки их. Ты видел эту бабу! Такая и глазом не моргнёт. Правильно сказал Трофим: змеюка! Сучка ярая!

– Да откуда они знают, сколько у тебя денег! Ты так торговался, будто отдавал последние. А потом мне дядька Павел понравился. Толковый мужик. Только молвит странно: вроде и по-нашему, а кой-чего и не понимаю.

– Мы тоже с тобой неодинаково разговариваем. Ты всё как по-писанному говоришь, на «О» нажимаешь.

– Мир большой и разный, – вздохнул Степан.

Он помолился и поцеловал образок. Потом улёгся и одними губами начал свою привычную беседу со Степанидой.

– Опять ведьмачишь? – проворчал Фрол, намереваясь караулить мешок.

За Доном

Лунная дорожка и частые звёзды, отражающиеся в воде, завораживают таинственностью. Тишина. Слышен только лёгкий всплеск воды от весла. Бударка пристала к берегу. Первой из лодки выпрыгнула собака, и за ней – люди.

Фрол с восторгом посмотрел вдаль, пытаясь увидеть новую землю. Но ещё темно и подробности не различимы. Всё равно ликующая радость переполняла его:

– Вот она, воля!

Степан тоже довольно расправил плечи, вздохнул полной грудью, присоединился к Фролу:

– Вольная земля!

Павел, не разделяя их восторга, – для него это будничность, всё же поддержал их:

– Да, ребята, Задонье! Казакуйте!

Он стал лицом к степи и, со знанием дела, произнёс обычное напутствие, повторяемое не один десяток раз:

– Слушайте: будетя идти – чтоб солнце из-за левого плеча. Направо не завертайтя. Там на Мокрой Чубурке староверское селение. Они казаки, в нашей одежде ходять, так же дерутся как мы, саблями и шашками, только злые. К себе не подпустять, и даже воды не подадут. Слева озоруют наши казачки, разбой творять. Вам идти прямо. Апосля, вёрст через семьдесят, явится река, ногаи её называют Ея или Ея. Их не разберёшь. Не такая широкая, как Дон-батюшка, но стружки Стеньки Разина в устьице захаживали. За рекой начинается дикая степь, а там и наши, и ногайцы, и татары разные, и разбойники. До самой Кубани. А за ней сторона Черкесия. Раздобудтя себе коней, а потом уж выбирайтя место. Кубуть, прибьётя к кому, к кордону какому-нить, запишитя в казаки... Ай, наблукаетя, чаю... Тольки не попадайтя на глаза ногайцам и татарам, поймають и продадут туркам в рабство. Они хоть и за нас, но сами по себе. Запомните: только труса пуля и сабля всегда найдуть, а смелого и смерть побоитя, сторонкой обойдёт. Ну, бывайтя, помогай вам Бог.

Павел перекрестил приятелей на прощанье, сел в лодку и, не оглядываясь, поплыл к противоположному берегу. Товарищи со смятением посмотрели ему в след.

– Что, Степан, боязно?

– Да, как-то не по себе стало. Незнаемое, неведомое...

– Всё ж лучше, чем ноздри вырвут и на каторгу, – подвёл черту Фрол.

С восходом солнца беглецы тронулись в путь. Пока оно светило сзади, Степан и Фрол шагали довольно бодро, обращая внимание на всё, что встречается на пути. Жёлтая, выгоревшая бесконечная степь: с пожухлой травой, отцветшим ковылём, с редкими балочками в зарослях тёрна, шиповника, калины, бузины. Ближе к полудню – солнце в глаза, знойный ветер, бьющее по ногам сухое перекасти-поле, запах терпкой полыни и усталость.

К вечеру встретилась на пути гора на ровном месте. Они даже обошли её вокруг, дивясь её правильному, округлому виду.

– Не иначе люди насыпали. Для чего сей курган, неведомо, – заметил Степан.

– Знамо дело, люди. Для чего-то нужно было. Может быть, на нём дозор стоял, смотрел кругом, чтобы врага не допустить к селению.

– А селение где?

– Враги, наверное, разорили, время тоже не пожалело...

В первый день, любопытство, конечно, преобладало над остальными чувствами. На другой день та же картина: степные дали, непуганые птицы и звери, запахи незнакомых приятелям трав – и снова горячий ветер. Приятели уже не столько глядят по сторонам, сколько вперёд.

– Идём, идём, и ни-че-го, – сокращается Фрол.

Степан, подозвал разгулявшуюся собаку, в сомнении покачал головой:

– Не сбились?

– А кто ж его знает! Вроде, идём прямо.

Вот из-под ног выпорхнули фазаны, вокруг свистят перепела. Лёгкая добыча! Но приятели не останавливаются. Еда есть, что ещё надо! Водой бы разжиться. Попробовали вчера набрать её из речушки, покрытой плесенью, водорослями, тиной, – бр-р, отравла!

– Смотри, лошадь! – зашептал восхищённо Степан, указывая на курган, опять возникший на горизонте. На его вершине, в блеске утренних лучей солнца, красовался, словно точёный, рыжий конь. – Давай, поймаем! Нам же нужны кони!

Фрол усмехнулся:

– Ай, не поймаем. Ты что не понял? Это дикий конь. Зверь, одним словом. Вот смотри! – Фрол свистнул – и конь в мановенье ока исчез.

Солнце уже в зените. Ни лесочка, ни тенёчка. Сели обедать на солнцепёке, запили тёплой солоноватой водой из Павловой кубышки, и дальше в путь...

Солнце на закате – усталые приятели, изнывающие от зноя и жажды, медленно бредут по выжженной степи, следом плетётся пёс с высунутым языком. И только ночь останавливает их движение. Где тьма застала, там и легли, пожевав остатки засохшего хлеба.

На четвёртый день уже с раннего утра товарищи почувствовали иное дыхание ветра, яростное, обжигающее. Солнце сначала побледнело, а потом и вовсе скрылось за пыльной пеленой. Запершило в горле. Затем стало трудно дышать. Ветер усилился: он жёг кожу, засыпал пылью глаза, нос, рот. Потеряв направление, Фрол и Степан брели наугад, пока не поняли, что сбились с пути. Укрыться было негде, и они, ничего не видя вокруг, продолжали движение вслепую... Им казалось, что идут бесконечно долго. Хотелось есть, но на пути никакого затишка... Беспросветная, серая от пыли степь и ветер...ветер...

– Давай, Стёпка, остановимся, – чуть прошептал Фрол.

– Где?

– Да прямо тут, – Фрол в изнеможении опустился на землю, – закроемся одеждой и будем лежать, пока не закончится ветер.

Степан присел рядом, уныло бормоча от безысходности:

– Да, откуда нам знать, когда он закончится!? Пожалуй, занесёт нас песком и пылью, умрём от голода, жажды и никогда не увидим казачьей воли....

Потом, собравшись с силами, он твёрдо произнёс:

– Нет, надо идти.

Тяжело встав, Степан протянул Фролу руку. Так они и шли, взявшись за руки, навстречу суховею, теряя счёт времени.

Долго ли шли, коротко ли... И вдруг, как в сказке, перед ними встала рукотворная стена – высокая плотная изгородь, зеленеющая раkitником. Что, кто за ней? Приятели не знали – радоваться им или огорчаться. Но что укрыться от ветра за плетнём смогут, точно. Около получаса шли вдоль него – ни калитки, ни ворот. Тогда они стали кричать:

– Откройте, откройте!

Никого. Им казалось, что здесь, в этом месте, уже были, что идут и кричат по кругу второй раз. И когда их терпение и силы иссякли, неожиданно прямо перед лицами приятелей приоткрылось окошко в плетне, и в нём показалась бородатая личность лет сорока:

– Что надо? Чего взгалчились?

– Откройте!

– Чего это ради! Кто вы такие?

– Беглые мы. Подались было на Дон, а там уже нет воли. Мы сюда. Пусты спрятаться от ветра – дышать нечем.

– А веры какой?

– Православной.

– Никонианские свиньи, – казак со злостью захлопнул окошко.

– Староверы!¹³ – воскликнули путники, вспомнив предостережения дядьки Павла.

– Как пить дать, оставят нас подыхать! – воскликнул Фрол, перекрикивая шум ветра.

Ветер сёк песчинками лицо и руки, забивал глаза. И Степан в отчаянии заревел во всё горло:

– Люди вы али звери?! Откройте!

– Не откроют, – только успел проговорить Фрол, как перед ними распахнулась калитка, тоже замаскированная под сплошной плетень.

– Входите! – неприветливо пригласил их тот же казак, – сухойей пересидите и убирайтесь на все четыре стороны.

Приятеля вошли в калитку, следом, поджав хвост, заскочил пёс. За оградой было спокойнее, и не такой жгучий ветер. Первое, что им бросилось в глаза – это чистота и порядок, которые царили в староверском селении. Аккуратные дома с двускатными камышовыми крышами располагались вокруг площади. Несколько домов было больше остальных, наверное, для начальства. Все селяне заняты делом. Кинув беглый взгляд на путников, они продолжали свою работу. Казак пренебрежительно произнёс:

– В дом вас никто не впустить, в пуньку¹⁴, рази что....

Он подвёл Степана и Фрола к сарайчику, открыл аккуратную дверь со смазанными навесами и бросил на пол несколько клоков сена.

– Отдыхайте! Нужду справлять ходите дальше от пуньки, за тот бугор.

– Где у вас можно набрать воды? – спросил Фрол. – Пить хочется.

Бородатый строго взглянул на непрошенных гостей и, молча, вышел.

– Да-а, воды нам не дадут, хорошо хоть хлеб остался, – Степан заглянул в котомку, – и того только на сегодня.

Фрол сел на сено, задрал штанину: на правой ноге воспалилась язва:

– Вишь, уже больно ходить, пекёт. Зола не помогает.

Степан посмотрел на рану:

– Нужен лекарь, иначе заражение начнётся. Так и помереть можно.

– Не каркай, – буркнул Фрол, – подай-ка мне мешок.

Степан подал приятелю мешок. Тот, положил его рядом, прикрыл сеном и вытянул ноги.

– У нас воды ни капельки?

Степан отрицательно качнул головой.

На удивление, вода всё же появилась. Её принёс в деревянном ведре молодой парень. Он тоже неприветливо поздоровался и спросил:

– У вас есть из чего пить? Мы свою посуду осквернять не даём.

– Есть! – радостно воскликнули оба приятеля. Степан снял с пояса кубышку.

Парень отрицательно помотал головой и крикнул кому-то за дверь:

– Давай корыто.

Мальчик лет двенадцати приволок в сарай свинячье корыто, довольно чистое. Парень, наливая в него из кадки воды, приговаривал по-церковнославянски:

– Из рожець, онже ядыхуть свинии. Заблудшие сыны Божиі....

---

¹³ Основу кубанского казачества составили донские казаки-старообрядцы. Их первые группы появляются в Прикубанье до 1692 г., а наиболее массовое пополнение рядов кубанского казачества произошло в конце августа – начале сентября 1708 г., в период подавления восстания К. Булавина. Впоследствии кубанские казаки становятся известны в истории под именем некрасовцев, причём налицо следующая особенность: наименование «кубанские» закрепляется за этими казаками-старообрядцами как во внешней среде, внешних источниках (например, в России, российской делопроизводственной документации), так и внутри данного казачьего новообразования – на уровне индивидуального и коллективного сознания.

¹⁴ Летний сарайчик.

– Что он сказал? – Фрол вопросительно посмотрел на Степана.

– Помнишь притчу о блудном сыне? В евангелии? Так вот, этот сын в своих блужданиях ел из корыта, из которого жрали свиньи. Понял?

– Ничего, смотри, вода чистая, прозрачная. Наберём в кубышку, и из неё напьёмся, и Фрол опустил сосуд в воду. Одновременно в корыто сунула морду измученная собака.

Парень двуперстно перекрестился, прищёпывая молитву. Разобрали только «Господи Иисусе, помилуй мя грешнаго», постоял немного – видно хотел что-то сказать, потом резко развернулся и вышел.

Пужинав хлебом с водой, приятели завалились на сено и крепко уснули.

В селении староверов

Наутро суховей не кончился. Очень хотелось выйти из пуньки, но, опасаясь гнева суровых хозяев, высунули только за дверь головы. На улице раскольников было немного. Кто-то шёл по своим делам. Пробежала баба с кулём сухого камыша, прошествовал казак в окружении ребяташек. Он что-то рассказывал, они с уважением внимали ему.

– Смотри, Фрол, как у них чисто, и все деловитые, строгие. Мне у них глянется. Остаться бы здесь.

– Ты им не глянешься. Неужели непонятно? Они нас ненавидят.

– Так, спросить можно. За спрос не отвертят нос.

– Всё у них правильно, а воли тоже нету. Одни запреты, – поморщился Фрол.

К пуньке подходил вчерашний молодой парень. В его руках была коврига хлеба и ведро с водой. Угрюмо поздоровавшись, он передал приятелям хлеб, из карманов достал с десяток огурцов, поменял в корыте воду.

Фрол и Степан вежливо поблагодарили его.

– А зовут тебя, как? – спросил Степан, – я Степан, а это Фрол.

– Антоний, – хмуро ответил парень.

Степан улыбнулся и примирительно проговорил:

– Хорошо живёте, Антоний. Ладно!

– С Богом, с душой в ладу, вот и ладно.

Парень, прошептав свою молитву, перекрестился, спросил:

– Что ж вы никонианской веры, а бегите с Руси? Это нас, христиан истиной веры, гонять отовсюду. Нашу братью – казаков многих пытали и кнутом били и носы и губы резали напрасно, и жен и девиц брали на постели насильно и чинили над ними всякое ругательство, а детей наших, младенцев, по деревьям вешали за ноги. А от веры отцов и дедов мы не отказались, как вы.

– Дело не в вере, Антоний.

Степан задумался и, с натугой подбирая слова, выговорил:

– Воли хочется. На своей земле пахать-сеять. Чтобы никто не мог тебя чести, жизни лишить.

Фрол уважительно посмотрел на товарища и добавил:

– Надоело барину пятки чесать. Понятно?

– Это понятно.

Парень взял ведро и, вздохнув, сказал:

– А мне с вами некогда языком чесать. Вот поговорил, а это грех, и мне нужно теперь искупать его лестовкой¹⁵, земными поклонами с молитвой. И за каждый грех нужно сделать сто поклонов.

– И грешить после такой лестовки не захочется, – понимающе усмехнулся Фрол, – А можно с кем-нибудь из ваших старших поговорить?

– Спрошу, – закрывая дверь, кратко произнёс парень.

– Вишь, какие строгости. Думаешь, придёт кто? Про коней хочу проведать.

– Проведай.

– Солица у тебя есть, моя закончилась? – разрезая пополам огурец, спросил Фрол.

---

¹⁵ Лёстовка (уменьшительное от др.-рус. лествица, то есть «лестница») – разновидность чёток у старообрядцев. В отличие от чёток, лестовка внешне напоминает гибкую лестницу и символизирует в старообрядческой традиции лестницу духовного восхождения с земли на Небо.

Степан, молча, протянул приятелю тряпицу с солью. Непокойно было у него на душе. Мучила неопределённость. «Попросили помощи, а сидим, как полоняне. И чего ждать от этих староверов?» – думал он.

На другое утро Антоний привёл своего деда, старого казака Еремея. Фрол лежал, вытянув ноги с изъязвлёнными щиколотками.

– Что у тебя с ногами? – спросил парень.

Еремей многозначительно посмотрел на приятелей и задал вопрос, от ответа на который не увильнёшь:

– За волю или за татьбу?

– За волю, – ответил Фрол, сообразив, что старик понял, откуда раны.

– Пришлю мази, будешь мазать утром и вечером. Если не пропустишь ни дня, болячки заживут.

– Благодарствую. Замучили совсем. Пеплом присыпаю, а не помогает.

– Пепел тоже разный. Бывает, что и не помогает.

Старик, видно, разбирался в лекарских делах. Он присел на солому. Антоний остался стоять.

– Зачем звали? Об чём гутарить хотели?

– Вы принимаете к себе других людей? – начал Степан.

– Это, смотря каких. Истиной веры принимаем. Или тех, кто готов принять нашу веру, подчиняться нашим законам, жить праведно.

– А убить человека по вашей вере можно?

– На войне врага можно. И так, в отдельных случаях, допускается.

Один человек убил очень много виноватых и невинных людей. И решил больше этого не делать. Пошёл к священнику и спросил, какое ему за это будя положено наказание. Тот велел надеть на этого лихого человека кандалы и сказал, что когда Бог простит его, вериги сами отпадут. Ходил этот лихой человек от одной станицы к другой, и встретил женщину, она ему и говорить:

– Я эту станицу испортила, сейчас пойду другую портить!

И пошла. Понял он, что она колдунья, и решил, что он столько людей погубил, а она их, сколько ишшо сгубить. Окликнул он её, вроде, подожди, догнал и задушил цепями. Цепи тут с него и упали. Он пошёл к попу, тот ему и сказал:

– Господь простил тебе грехи за то, что ты убил ведьму.

– То есть, если убить колдуна или ведьму, то с себя очень много грехов можно свести? – удивился Степан.

– Конечно. Только каждодневно всё равно надобно лестовки творить. Искупать всё новые грехи. Ведь рядом с человеком летает два ангела: один хорошие дела записывает, а другой – плохие. И когда человек окажется на Судном дне, ангелы будут зачитывать по очереди хорошие и плохие дела. И сами понимаете, кому дорога в рай, а кому – в ад.

– А если убить просто человека, врага?

– Не на войне? Нет, нельзя. Только, если исполняешь наказание по решению круга: казнишь за брак с иноверцами, за разбой, грабёж, убийство. За это у нас – смерть. Если сын или дочь подняли руку на родителей – смерть. И кому-то надо исполнять наказание преступивших наш закон людей. Только этот грех убийства искупается палачом лестовкой.

– Строго! – удивился Фрол, – А коней у вас можно купить?

– Нет. Мы снимаемся с места. Скоро и эти земли будут царские, договорилась царица с турками. Дозоры выставлять. Наши единоверцы давно ушли за Кубань. А теперь и мы пойдём. Потому и коней вам продать не можем – самим нужны.

– Вас поэтому гулебщиками зовут?

– А как бы не звали. Истинной веры мы. Остальные неправедные перед Богом.

Уходя, Еремей напомнил:

– Завтрева моя бабка принесёт вам мази.

Ветер не стихал. Фролу надоела пунька. Уже все лозинки-прутики рассмотрел и сосчитал в ней.

– Эх, не спросили мы, сколько суховеи длятся. Три дня уже сидим тут. Я посмотрю, не тишится ли ветер.

– Что смотреть. В ночь мы всё равно не пойдём. Дождёмся утра.

– Степан, пошли по нужде сбегает.

– Да что тебе неймётся, ходили уже.

Фрол накиннул на плечо мешок.

– Так, я пошёл.

– Мешок-то оставь. Увидят, что ты по нужде с мешком ходишь, отымут, да ещё избыют, чего хорошего.

Фрол снял с плеча мешок и, присыпав его сеном, выскользнул за дверь. На улице было сумрачно от пыли – солнца не видно. Даже здесь, в ограде, ощущалось горячее движение воздуха. Фрол огляделся. Было безлюдно. Только навстречу гнала коз девка.

Фрол остолбенел. Никогда он такой красоты не видал: глаза чёрные, глубокие, ресницы чуть ли не до писанных бровей достают. Правда, нос и рот были закрыты повязкой, от пыли. Зато фигура до того статная: талия, бёдра, грудь... И ростом чуть ли не с самого Фрола. Он чувствовал, что надо что-то сказать. Уйдёт же! Но всегда бойкий на язык, на этот раз он лишился дара речи. И стопы ног будто приросли к земле. Он промычал что-то невразумительное. Девка даже не посмотрела на него.

Вот она уже поравнялась с ним. И тут только его члены обрели подвижность.

– Как величают такую красу писаную? – с восхищением спросил.

Девка взглянула на Фрола. Он заметил в её глазах интерес. Или хотел заметить? Тут же превратившись в разбитного малого, каким он и был с девками, Фрол подскочил к красавице:

– Меня Фролом зовут, а тебя как величают?

– Мне нельзя с тобой гутарить, – промолвила девка и, опустив глаза к долу, добавила, – ты неправедный, никонианец.

Фрол весело рассмеялся:

– Ну и что? Никонианец не мужчина разве?

– Грешник, – тихо произнесла она и продолжила путь.

– Сотворим грех вместе, – Фрол последовал за девицей, схватил её за руку и опять засмеялся, – а потом ты лестовками отмолишь его.

Но тут из одного из дворов вылетел молодой казак с плетью. Он схватил девку за косу, пригнул к земле и поднял плеть.

Она пала на колени:

– Братец, Христом Богом прошу, прости!

Фрол, видя готовящуюся расправу, не выдержал. Он подбежал к парню и схватил его за руку:

– Ты почто девку обижаешь?

– Отойди, – сквозь зубы проговорил казак, – а то...

– Что, а то?

Парень махнул головой в сторону. Фрол обернулся. К нему приближалась целая толпа разъярённых мужчин, которые тут же принялись его колотить.

Как не увиливал Фрол от ударов, как не подпрыгивал и не пытался убежать, они обложили его, будто волка. Били со знанием дела, с протягом. Сколько ударов пришлось на его спину и ноги – не счесть. И вот уже Фрол, истекая кровью, лежит в дорожной пыли. Ещё пара ударов, и конец... Не выдержать... Но тут подоспел Еремей.

– Не берите, ребята, на себя грех смертоубийства, – строго произнёс старик, – лучше выбросите этих собак в степь, пущай сами сдохнуть, греховодники.

Казачи послушались старика, подхватили за руки-ноги ухажёра и кинули за плетень.

Когда он пришёл в себя, по-прежнему дул ветер, рядом на земле сидел Степан, закрыв от пыли руками лицо. К нему ластился пёс. Фрол застонал.

– Ах ты, кобелиное отродье! – откликнулся Степан. – Что ты полез к девке? Мы были там и так на птичьих правах, а ты ещё и грешить вздумал. Казачи так разъярились, что схватили меня и вышвырнули, как вшивого котёнка, за ограду.

– И тебя побили?

Степан вздохнул:

– Звери истые, а я ещё хотел с ними поладить. Хорошо, что следом мешки выбросили.

– И мой?

– Я ж сказал – мешки!

– Слава Богу! – обрадовался Фрол, – целёхонько моё достояние.

Он, стаяя, подполз к мешку, обхватил его руками, погладил и мечтательно произнёс:

– А всё-таки девка – краса писаная!

– Тьфу! – плюнул Степан, – кто о чём, а о голый о бане.

Ея

Ночь беглецы пересидели под плетнём, а к утру суховея прекратился, и они двинулись в путь. Фрол, стена и охая, опирался на выломанную из ограды палку. Долго так блуждали по степи. Начался сентябрь, но знойный воздух переливался прозрачными струйками, как в разгар лета.

– Степь... Ни кусточка, ни лесочка..., – шептал Фрол, еле передвигая ноги.

– Нет, Фролка, гляди-ко бурет какая-то полоса...

– Да это камыш! – Фрол посмотрел вдаль, – значит, река там. Как на Дону! Если вода – обязательно камыш или рогоз.

Несмотря на усталость, двинулись быстрее: не терпелось хоть какой-то перемены, какого-то, пусть промежуточного, конца их трудного пути. Поднялись на небольшое возвышение, и перед их взором предстало четырёхугольное укрепление¹⁶, состоящее из рва и двух валов, внутреннего и внешнего, густо поросших бурьяном – видно, уж с десяток лет укрепление пустовало – кое-где на валах торчали кривые деревца и кусты боярышника.

Обойдя редут справа, Степан и Фрол, наконец, увидели синюю гладь спокойной степной реки в золотистом обрамлении пышного осеннего рогоза и редких низкорослых деревьев.

– Гляди, ракета? У нас тоже она растёт, только кустами. А тут деревца! – воскликнул Фрол, – отдохнём?

– А что ж не отдохнуть! Сядем под ракету, в тень. А то идём, идём, сами не знаем куда. Бабушка сказку одну баяла. Царь как-то приказывает Ивану-дураку: «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...».

– Я тоже слышал эту сказку, когда дитём был. Про нас с тобой, – засмеялся Фрол.

– А вот река какая...

– Да, не Дон.

– Об этой реке, видно, говорил Павел: невелика собой, и течение медленное. Название какое-то смешное. Ея или ЕЯ. Чья? Ханская, наверное?

– Вод, земель, лесов ничьих не бывает. Всё, конечно, Богово, а ещё царское, барское, ханское, – вздохнул Фрол.

– А как же воля? Мы ищем, а её нетути. И когда будет, неведомо.

– Земли, воды, простора много – нескоро хозяева доберутся сюда. Показаем ещё. Нам бы только осесть где-нибудь. А то, как степняки, кочуем, только те на лошадях, а мы пешком. Слушай, Стёпа, есть хочется, – вздохнул Фрол, – что там у нас осталось?

Степан заглянул в мешок.

– Хлеба немного. Три луковицы. Щепотка соли, – порылся в карманах, – тёрна горсти две.

– Да... Мясца бы... А переправляться через эту Ею как будем? Ты плавать-то умеешь?

– Сороть переплывал. Она чуть шире этой речки. А ты?

– А где я рос, таких рек не было. Плавать не умею.

– Ну, думаю, речка неширокая, неглубокая – переправимся, – успокоил Фрола Степан, – хотя, не зная броду...

Он посмотрел по сторонам.

---

¹⁶ Редут (фр. *redoute* – убежище) – укрепление сомкнутого вида, как правило (но не обязательно) земляное, с валом и рвом, предназначенное для круговой обороны. Строился чаще всего в форме четырёхугольника, хотя существовали и пяти-шестиугольные редуты. Обычно имел в длину 50—200 шагов, в зависимости от численности гарнизона, насчитывавшего 200—800 человек. Редут состоял из наружного рва, вала с земляной ступенью для размещения стрелков и орудий, а также внутреннего рва для укрытия обороняющихся. Проход в редут, шириной около 6 шагов, устраивался с горжевого фаса (тыльной стороны), причём за ним устраивалась насыпь (траверс (*шид.*) *руск.*) для обстрела неприятеля, если он попытается воспользоваться проходом.

– Нам бы бревно какое. Но тут, вишь, деревьев нет, ракички совсем тоненькие... Главное, чтоб одёжа да мешки не промокли. Придётся, видно, вязать плотик.

– Из чего, Степан? Сам говоришь, что деревьев нету.

– Да, хоть из рогоза. Смотри, его сколько! Нарубим сухих стеблей и свяжем его листьями.

– Как у тебя всё просто получается! Нарубим, свяжем... – Чем нарубим?

Степан рассмеялся:

– А сабли на что? Вот и пригодятся. Давай, поднимайся!

Вынули из ножен сабли, примерились. У Степана дело сразу пошло споро, весело.

– Одним махом семерых побивахом! – приговаривал он с улыбкой.

– Ерой! Аника-воин! – ухмыльнулся Фрол и сам попробовал рубить. Но толи замахивался не так, толи силы много в удары вкладывал, не получалось так ловко, как у Степана.

– А ты говорил, небольшая наука, помнишь, у Павла?

– Да, – согласился Фрол, – поучиться надо.

Вскоре плот был готов. Поставили на него имущество. Степан стал снимать одежду.

– А ты что стоишь, Фрол? Раздевайся!

– Ай, не робей, воробей! – скинул кафтан Фрол, оголив красную, покрытую струпьями спину.

Холодно, но иначе никак. Осторожно вошли в воду, толкая впереди себя плот. Следом за ними шагнул в воду пёс и поплыл, разбрасывая во все стороны брызги. Дно было илистое и мягкое, покрытое лоскутами водорослей. Отошли шагов на двадцать, как дно ушло на глубину.

– Держись за плот и помогай себе ногами, толкать буду я, – проговорил Степан и ускорил движение. Мимо проплывали удивлённые выдры.

– А вот и еда! – заметил Степан.

– Какие-то крысы, бррр...

– Нет, это выдра, по-нашему поречня, обжарим на костре, пальчики оближешь!

Вытолкали плот на сушу. Этот берег был более пологий. Оделись, выбрали место для стоянки и решили разжечь костёр, чтобы согреться.

Слышат вдруг: словно кто-то чавкает, и так близко-близко. Глянули: выдра сидит на кочке! Сучит передними лапками и на них как будто смотрит. Сидят они, не шелохнутся, а ружьё далеко-то. Как тут быть? Шевельнуться, ружьё взять нельзя: уйдёт.

Тут выдра воду раздвинула бесшумно, поплыла, точно не она, а кочка под ней движется, и к берегу приближается. Схватил Степан ружьё, быстро приложился к нему, хотел было выстрелить, да не в кого. Выдры уже нет, – отвесно нырнула она в реку, как гирия... И видят они – на воде треугольником рябь расходится и к ним, вроде, идёт... А впереди виднеется тёмное пятно. Жук, что ли, водяной или крыса? Непонятно. И затихло всё – вода опять, как зеркало, гладкая. А выдра на берегу уже сидити что-то в зубах держит. Степан тихонько на неё ружьё навёл... Пёс залаял – выдра моментально исчезла в реке.

– Эх, ты, охотник, – потрепал собаку за ушами Степан, – из-за тебя добычу упустили. Ну, ладно, её много, непуганая живёт. Выйдет какая на берег ещё, поймаем. А в воду не полезем. Я до сих пор не могу согреться от переправы.

– Гляди-ка, Стёпка, ещё одна! – встрепнулся Фрол.

Действительно, по берегу медленно и неуклюже двигалась крупная выдра. Спина её сильно горбилась. Тяжёлый хвост волочился – на суше она, видно, потеряла быстроту. Вполне можно поймать. Пёс залаял и бросился на зверя. Он лёг на спину и стал отчаянно защищаться от собаки своими мощными клыками и сильными лапами с острыми когтями. Если бы приятели не подскочили к ним, то неизвестно ещё, на чьей стороне была бы победа.

Через некоторое время Степан и Фрол сидели у костра и ужинали мясом, бросая косточки собаке.

- Ну, как? – поинтересовался Степан.
- Очень съедобно. Первый раз ем, как ты говоришь, поречню.
- Слава тебе, Господи, за пищу. Мясо нежное-то какое, а?
- Да, вкусное, – согласился Фрол.
- Слышь, верещат. Они, поречни.

Фрол прислушался. Действительно, от реки шёл треск и резкий тонкий свист.

Довольные приятели затушили костёр и стали готовить себе ночлег. Сегодня спать будут «на перине» из рогоза. Собака, несмотря на сытость, умчалась гонять выдр. Фрол позвал её пару раз, и, не дождавшись, подложив мешок под голову, растянулся животом вниз на подстилке. Глаза слипались. Через короткое время Степан услышал его посапывание. Сам Степан ещё долго разговаривал со Степанидой, но, в конце концов, тоже уснул.

Старый бирюк рыскал в поисках пищи. Еды вокруг было много, но силы уже не те, их хватит разве что на зазевавшуюся мышшь-полёвку. И вдруг до его притупившегося обоняния донёсся запах крови и ещё чего-то аппетитного. Он потрусил на запах.

Степан проснулся от резкой боли в плече. Он почувствовал зловонное дыхание зверя и увидел пару огоньков его жёлтых глаз.

– Волк, – ужаснулся Степан. Хотел было закричать, позвать Фрола, но язык не ворочался. При свете луны он разглядел у самого своего лица страшную морду дикого зверя.

И тут появилась собака. Она злобно зарычала и схватила волка за заднюю ногу. Он бросил жертву и повернулся мордой к врагу. Грянул выстрел. Это проснувшийся Фрол не растерялся, благо ружьё лежало рядом с ним, и убил хищника.

– Кровь, мясо учуял, – пояснил появление волка Фрол, – хорошо, что бирюк. А если бы стая?!

– Думал, мне уж конец настал! Прямо к горлу! Но какая же псина – умница!

– Молодец, молодец! – Фрол первый раз погладил собаку.

Степан пришёл в себя. Потёр прикушенное плечо.

– Ничего, сквозь одежду неглубоко.

– Тебе повезло, что старый он. Зубы слабые. А то бы горло перекусил-то.

Степан, повернувшись к собаке, приласкал её:

– Спаситель мой. Товарищ верный...

– Что ж он у нас без клички? Давай, так и назовём его – Верный.

– Пусть будет Верный. И ты, Фрол, первый друг мой. Да возблагодарим Матерь Божию за Спасение – торжественно произнёс он и, крестясь, прошептал молитву. Затем, по своему обычаю, Степан поцеловал крест, достал заветный образок и, его также целуя, молвил:

– Благодарю и тебя, ладо моя, Степанидушка, охранительница моя.

Фрол лукаво хмыкнул в бороду.

Андрей Барятинский

В просторное помещение ямской станции вошёл смотритель и, потирая замёрзшие руки, предложил пассажирам:

– Господа, а не откушать ли нам чаю? Свободных лошадей нет, так что придётся подождать ещё пару часов.

Чиновник, ехавший в соседнюю губернию по казённой надобности, возроптал, было:

– Сколько можно?! У меня важные государственные дела, они-то не будут ждать. Некогда и чай распивать. Лучше поторопи ямщиков.

– Чайку – это хорошо, можно согреться. Такая стынь на улице, – тепло и спокойно проговорила милостивая дама средних лет, снимая серый салоп. Остальные поддержали её: прапорщик с пробивающимся баском, его денщик, или скорее дядька, да щеголеватый молодой господин, видно, из мещан, но почему-то с гусарскими усами и бачками. Они с готовностью уселись за прямоугольный стол, покрытый бурой выгоревшей скатертью.

– Помогите мне, дружок, – обратился станционный смотритель к дядьке юного офицера, – жена моя в тягостях, уехала рожать к матери, один перебиваюсь по хозяйству, – виновато проговорил он.

Пока смотритель готовил посуду да нехитрые заедки, как-то: мочёные яблоки, чёрствыи бублики и вишнёвое варенье, – дядька прапорщика, Евтеич, раздувал сапогом полуведёрный самовар, приговаривая:

– Ишь, разбуянился, запыхтел. С самоваром-буяном чай важнее и беседа веселее.

Все, глядя на старика, заулыбались.

– А вы, по какой надобности едете на Юг, Андрей Ильич? – спросил чиновник офицера, продолжая прежний разговор, – там, говорят, очень опасно.

– Служить Отечеству! – пламенно воскликнул юнец, – служить, живота не жалея!

– Да война, вроде, окончилась, мир заключён, – с лёгкой иронией улыбнулся чиновник, вполне понимая пылкость юноши. – Хотя, если турок говорит о мире, значит, будет война.

– Я, батюшка, – встрял в разговор дядька, – чаю, с турками каши не сварить. Хочешь чтобы турок тебя послушался – ударь его палкой. Иначе мира не будет. Я в прошлую турецкую кампанию обзнакомился с ними. Верить им – нельзя. Ещё Пётр Первый говаривал: бабе не верь, турку не верь, непьющему не верь.

Все рассмеялись.

– Мой барин, – он с любовью посмотрел на воспитанника, – храбрый вынош и своего добьётся.

– Заслужу награду, получу чин, и батюшка представит меня ко двору, самой императрице, – пояснил юнец.

– А кто же у Вас батюшка? – спросил молодой человек в бачках.

– Князь, действительный статский советник.

Молодой человек заинтересовано посмотрел на юного офицера.

– Эге, ж! – воскликнул он, – и Вы начинаете службу с прапорщика?

– Нет, в полку числился со штык-юнкера. Теперь уж прапорщик. Как сказано в табели о рангах: «Отечеству никаких услуг не покажут, и за оные характера не получают!» У нас все мужчины в роду начинали службу с самых низших званий.

– Господа, чай готов! – смотритель разлил по чашкам напиток.

Чай получился душистый и вкусный, что редко случается на ямских станциях.

– Божественно! – воскликнула дама, – сюда бы ещё пирожных!

– Или пряников! – мечтательно добавил молодой человек в бачках.

– Вот бублички, яблочки мочёные. Угощайтесь, – суетился смотритель.

– А Вы не хотите назвать своё имя, любезный? – обратился к любителю пряников чиновник.

– Егор Мокошин, – представился тот, – мастер куафер, по-нашему цирюльник. Но не только брадобрей. Могу причёску сделать. И дамскую тоже. Учился у французов. Служил в разных местах, даже в фиатрах, причёсывал актёрок. Вот решил поискать счастья в южных краях.

– А что, Евтеич, – воскликнул юный офицер, – не взять ли нам цирюльника на службу? Ведь ты подстричь, расчесать толком не умеешь. Какой я буду офицер с твоей стрижкой? Да и веселее нам станет.

– Ваша барская воля. Только до сих пор Вы обходились моими трудами? – обиделся дядька.

– Юн был. Довольствовался малым.

– Ну, если я Вам не гожусь, извольте отправить меня в деревню. Домой.

– Да годишься, годишься! Не обижайся, Евтеич. Чего бы-то советовался с тобой, если б не годился.

– Пойдёшь ко мне? – обратился он к цирюльнику.

– Эге, ж, – без раздумий согласился Егор.

– Вот и хорошо. Зовут меня Андрей Ильич, ты уже слышал. Дядьку моего можешь звать Евтеич. Хотя он заслуженный воин, можно сказать, герой турецкой войны. Сколько ты просяшь платы за труды?

– Три рубля в год.

– Эко загнул, – хмыкнул Евтеич, – хватит и одного. Питаться со мной будешь.

– Эге, ж, – Егор кивнул головой.

– Что ж, договорились, – обрадовался Андрей, – покажешь потом свои рекомендации.

– Сами поглядим, что за птица, – буркнул Евтеич.

– Господин смотритель, нельзя ли не два, а три места в карете? – прапорщик обратился к смотрителю.

– Слушаюсь, Ваше благородие.

Вскоре появилась карета, и начался долгий путь с пересадками к южным рубежам империи.

За три недели путешественники одолели по почтовому тракту четырнадцать станций. В степи дули резкие восточные ветры, отплясывали свой единственный танец мокрые снежинки. Привычные к любым капризам непогоды почтовые лошадки спокойно трусили по мокрой дороге. В памяти Андрея всплывали картины прежней жизни в Санкт-Петербурге, в стенах родительского дома. Он, пухленький, румяный мальчик, возвращается с няней с прогулки. У парадной лестницы стоит маменька. За давностью лет её образ несколько размыт. Но вспоминаются ощущения радости, тепла, нежности. Она поднимает его на руки и целует, целует. От неё исходит удивительный, волшебный аромат.

Потом занавешенные зеркала, печальные лица... Няня ведёт его к маменьке. Но что это? Она лежит вся в цветах и не шевелится, не встаёт, не целует его... Несколько лет прошло, унылых и горьких. Он понимал, что маменька никогда не вернётся, но тосковал по ней. Вокруг все строгие, неласковые: папенька, гувернёры, учителя... Никакой тебе любви, нежности, внимания. Слышал только ото всех: должен, обязан, надо...

А потом у пап'а появилась новая жена, которую Андрею велели называть её маменькой. Он противился – отец наказывал. Мальчик видел, что он никому не нужен, даже ему. Это состояние ненужности, холодности со стороны домашних чуть ли не привело к печальному исходу – нервной болезни.

Но вот приехал дединька. Какой же он добрый был! Летом князь собирал внуков у себя в усадьбе. И сколько радости, веселья, интересных дел было там у детей! А когда у отца родился

новый сын, дед вовсе забрал Андрея к себе. Он генерал в отставке, и хотя был затейник, выдумщик, воспитывал внука в армейской строгости...

– Барин, слобода Луганская, – ямщик кнутом указал на юг.

В верховье реки Лугань перед путниками предстали земли войска Донского. Здесь началось таинственное Дикое поле, родина донского казачества, защитника южных рубежей России.

– Всё иное, – удивлялся Егор, глядя на деревянные домишки казачьей слободы.

Евтеич, много повидавший на своём веку, дремал, свесив голову, а молодые люди, прилипи к окошкам экипажа, рассматривали здешние места.

Чем дальше продвигались на восток, тем реже встречались в степях хутора и станицы: с опасением селились русские люди на этих беспокойных землях.

Сменив лошадей на последней почтовой станции, Андрей с дядькой и цирюльником направились к сильнейшей на юге России крепости – имени Святителя Дмитрия Ростовского, где несколько лет подряд размещался штаб Кубанского корпуса и где предстояло служить ему, начинающему офицеру.

Андрей лелеял честолюбивые замыслы не только ради поддержания чести своего княжеского рода. Была одна мечта, очень личная. В Петербурге у него осталась любовь, нежная и тихая. Кузина Лизонька Залесская... Девушка, ради которой он станет героем, добьётся высокого чина. Вернётся с войны таким Ахиллом и попросит у отца её руки и сердца. На их прощальной встрече она дала понять Андрею, что он тоже ей не безразличен. Ах, Лизонька, Лизонька! Андрей дотронулся рукой до груди, где у него находился медальон с золотистым локоном возлюбленной.

В конце короткого сумрачного дня тройка поднялась по косоугру одного из бесчисленных оврагов на высокое правобережье Дона. Впереди за широкой балкой, которая спускалась на юг, к небольшому притоку Дона, виднелись жалкие домишки. А далеко внизу, за солдатской слободкой, где кончались обрывы правобережья, под толстым панцирем льда, покрытого снежной пеленой, нёс к Азову свои воды славный, могучий Дон.

Сопровождаемая любопытными взорами солдаток и яростным лаем многочисленных собак, тройка проехала слободку и остановилась у крепостных ворот, перекрытых полосатым шлагбаумом. Андрей Бярятинский показал документ казаку, шлагбаум подняли, и вот уж карета мчит по территории крепости. Андрей не ожидал увидеть здесь настоящий город, в центре которого на площади высился величавый собор, увенчанный восьмигранным барабаном и куполом. На площадь выходили и фасады зданий военного ведомства, гарнизонная школа кантонистов¹⁷ и дом для коменданта, перед которым и остановилась карета. На противоположной стороне – сурово возвышался острог. На крыльцо комендантского дома вышел молодой офицер, посмотрел на него и широко улыбнулся:

– Разрешите представиться – прапорщик Никита Обросимов. – Вы, я полагаю, – Андрей Бярятинский?

– Он самый.

– Милости просим! Обер-комендант крепости, бригадир Михаил Афанасьевич Машков Вас ждёт.

Андрея провели в кабинет к обер-коменданту. За столом сидел грузный, румяный, ещё не старый человек. Поздоровавшись, Андрей щёлкнул каблуками:

– Разрешите доложить, Ваше высокоблагородие. Прапорщик от артиллерии Андрей Бярятинский прибыл для прохождения службы!

---

¹⁷ Кантонист – солдатский сын, прикреплённый со дня рождения к военному ведомству и подготовлявшийся к несению солдатской службы в особой низшей военной школе.

– Зачем же так официально, Андрей Ильич. У нас без церемоний. Служба опасная. Рады каждому офицеру, особенно изъявившему желание именно у нас проходить службу. А это так. Я получил письмо от князя, Вашего деденьки. По стопам, значит, пошли. Отважный был генерал! И начинал со штык-юнкера. Знал его. Ну, оглядитесь, обживитесь... На квартиру Вас проводит прапорщик Обросимов. Тот, что Вас встретил. Я думаю, вы сойдётесь. А в понедельник, милости просим на службу. Да, не на службе можете меня называть Михаилом Афанасиевичем, попросту.

Андрей опять щёлкнул каблуками. Чему-чему, а выправке дед его научил:

– Ну, иди, голубчик, иди!

Ямщик уже начал нервничать. Ему хотелось скорее попасть к своей местной зазнобушке. Наконец, Андрей Ильич с молодым офицером вышли из дома коменданта и сели в карету.

– Я провожу вас до квартиры. Это недалеко, – сказал новый знакомец, и тройка стронулась с места. Андрею было любопытно смотреть в окошко экипажа. В центре крепости размещались солдатские казармы, провиантские и артиллерийские склады, военные госпитали. Далее шли кварталы, застроенные офицерскими домами, жилыми домами для купцов, мещан и ремесленников, лавками и питейными заведениями. А вдали виднелись ратуша, таможня со складами, порт, купола православных церквей.

– Вот мы и приехали. Хозяйка квартиры, Бутецкая, офицерская вдова, предупреждена, комнаты для вас подготовлены, – проговорил Обросимов, выходя из экипажа. Внесли вещи в гостиную. Из своих комнат вышла молодая женщина в скромном платье с длинными аккуратно уложенными волосами.

– Здравствуйте, милейшая Екатерина Юрьевна. Представляю Вам нового жильца, Андрея Ильича Барятинского и его спутников.

Андрей поклонился и хотел поцеловать даме руку, но не был уверен, что это уместно. Он слегка отступил и, указывая на своих спутников, назвал их:

– Карп Евтеич, Егор – мои люди.

Однако Егор, обидевшись на такое представление, поклонился и добавил:

– Мастер-куафер.

Евтеич осуждающе глянул на него. Дама сделала вид, что не заметила наглости слуги, и приятно улыбнувшись, проговорила:

– Милости прошу. Пойдёмте, я покажу Ваши комнаты.

В дикой степи

Дуют пронзительные восточные ветры. Везде голая необозримая пустыня. Лишь кое-где встречаются островки кустарниковых деревьев, семена которых случайно занёс сюда ветер. Над головой гордо парят орлы. Кругом непуганные дикие звери. Не замечая путников, проследовал мимо них лось, вот мелькнула шубка лисы, то и дело выскакивают зайцы и, прижав к спине уши, катятся кубарем прямо под ноги; на редких холмах пасутся дикие козы.

– Смотри, сколько зверья, а людей нет, – удивляется Степан.

Фрол вторит ему:

– Уже другой месяц идём, ни жилья, ни духу человеческого. Степь да степь на все четыре стороны. Давай зайца подстрелим да пожарим, что ли.

– Ты что, голодный?

– Да, нет. Скучно так-то идти.

– А молочка хочешь?

– Какого молочка? Где здесь корову-то взять?

– Зачем корову? Полно диких коз. Поймаем одну какую-нибудь и подоим. Чугунок у нас есть, что ещё надо. А вот как раз на тебя смотрит.

Напротив, действительно, остановилась коза и с любопытством глядела на людей.

– Я попробую подоить вот эту. Ты только помоги мне!

Фрол в сомнении пожал плечами.

– Да ты что, никогда не пил козьего молока? Не хуже коровьего. И жирнее. Давай, заходи с той стороны, а я с этой.

– Да, пил, пил – ещё дитятей был. Ну, то домашняя коза, а это дикий зверь. И молоко, небось, дикое, горькое.

Коза, задумчиво глядя на приятелей, не двигалась с места. Она даже не подозревала, бедная, что собираются с ней сделать. Степан осторожно приблизился и схватил её за рога. Коза брыкнулась и попала копытом в плечо Фролу, который нагнулся, было, чтобы ухватить её за туловище. Он отскочил.

– Да, хватай же её, я не удержу, – закричал Степан, изо всех сил вцепившись в рога руками. На крик прибежал и залаял пёс.

– Нишкни! – приказал Степан. Верный умолк, но продолжал держать стойку.

– Вишь, лягается, – пожаловался на козу Фрол.

– Она ещё и бодается. Если я выпущу её, то берегись.

– Не хочется мне молока.

– Хватай, я говорю!

Фрол подошёл сбоку, опасливо поглядывая на задние ноги животного, и с силой обхватил его туловище.

– За ноги, за ноги держи!

Коза, истошно мекая, дёргалась. В её глазах был страх.

Фрол с трудом перехватил ноги, получив при этом ещё пару раз копытом.

– Не робей, воробей, кто ж её доить будет? Среди нас третьего нету.

– Сейчас, сейчас, – соображал Степан.

– Придумал! – заорал Фрол, – Я придумал!

– Ну, что, что ты придумал?

– Надо зажать чем-нибудь её передние ноги и морду. Один будет задние ноги ей держать, другой доить!

– А что, дельно, – согласился Степан, – вон смотри, терн растёт. Потащили её туда.

Всё также Степан, держа козу за рога, а Фрол за задние ноги, поволокли несчастную напуганную тварь к зарослям. Зажав голову и передние ноги животного между сросшимися стволами сливы-терновки, Степан велел Фролу держать задние ноги, а сам пошёл за посудой. Коза отчаянно брыкалась.

Трудно приходилось и Степану: струйка молока лилась мимо чугунок, вовсе не предназначенного для дойки диких коз, и приходилось его переставлять, поскольку коза не успокаивалась. Наконец, выжав из вымени всё до последней капли, он ослабил хватку ствол, Фрол отпустил задние ноги, – и коза с бешеной скоростью рванула прочь. Верный помчался следом.

– Не догонит, – ухмыльнулся Фрол, – вишь, бешеная какая.

Отведав молока, он вытер губы и, почёсывая шишку на лбу, сказал:

– Хорошее молочко. Только знаешь, Степан, в следующий раз лови козу сам, я тебе не помощник.

Вёрст шесть шли молча. Неожиданно Фрол остановился.

– Степан, ты ничего не видишь?

– Нет.

– А присмотрись. Глянь вон туда, – Фрол рукой указал налево.

– Кони!

– Они самые! Табун! Пасутся. И вроде, хозяев нет. Наконец-то, повезло. А что если мы себе по конику возьмём?

– Нет, Фрол, нет!

– Но почему?

– Это чужие кони!

– Ну и что? Нам они нужны или нет?

Степан вздохнул:

– Нужны. Опасно, Фролка. Не может такого быть, чтоб не было охраны.

– Давай! Не робей, воробей!

Верный наострил уши. Степан погладил собаку и ласково прошептал:

– Тише, Верный, нишкни.

Друзья подобрались к табуну ближе. Раздались лай собак, свист... Фрол, взнуздав крайнего каурого коня, вскочил на него. Верный уже отбивался от собак.

– Давай быстро, Стёпа! Прыгай сзади! Уйдём!

И приятели помчались прочь. Вскоре они попали в какое-то болото. Нет, не болото, просто заболоченный берег реки, довольно широкой и быстрой. Фрол направил коня на глубину, в чистую воду. Вскоре раздались выстрелы. Одна пуля чуть его не задела.

– Слезай, Фрол. Спрячемся за крупом лошади, а то подстрелят, – воскликнул Степан, соскальзывая с коня и перехватывая у товарища узду.

Фрол вцепился в шею животного и осторожно тоже опустил в воду. И взвыл от холода, который охватил тело. У Степана тоже зубы выбивали дробь. Течение реки оказалось настолько быстрым, что их неумолимо сносило вниз. Табунчики стреляли часто, но не прицельно. Пули плюхались в реку и слева и справа. Вот одна, наконец, настигла коня...

– Всё было напрасно! – разочарованно воскликнул Фрол. – Теперь у нас нет каурки, и мешки промокнут, да ещё и плавать не умею.

Он, отпустив коня, теперь крепко вцепился в Степана.

– Эй, полегче! Больно же! Просто держись одной рукой за шею, а другой помогай мне.

Пули ещё бились о поверхность реки, но расстояние увеличивалось, и они уже не долетали до людей.

Противоположный берег был крутым и каменистым. Глубина держалась стойко. Степан менял несколько раз направление, наконец, сказал:

– Становись на ноги. Тут мелко. А какая вода холодная, прямо ледяная. И течение быстрое.

– Слышь, Стенька, это Кубань, – проговорил Фрол, ужасаясь своей догадке, – земля черкесов. А табунщики, наверное, были наши... русские....

– А может быть, и ногаи. Мы ж не видели их. Не ведаю, что лучше.... Вот Верного мы потеряли, жаль, хорошая была собака, надёжная.

– Почему была! Смотри!

К берегу подгрёбал пёс. Изрядно потрёпанный, но не побеждённый. Выйдя на сушу, он потёрся об ногу Степана и радостно взвизгнул.

Однако небо затягивалось тучами, подул резкий ветер. Дрожа от холода, Фрол предложил разжечь костёр, чтобы согреться и просушить одежду.

– Нет, будем шалаш строить, а то не успеем до дождя, – возразил Степан.

– Да и рыбки бы поймать на ужин, – соглашаясь, добавил Фрол.

Когда начался мелкий секущий дождь, у приятелей было готово укрытие, дымился костёр, пахло запечённой в золе рыбой, которая сама выпрыгивала из воды в руки друзей. От одежды шёл спасительный пар. Рядом, в ожидании пищи, лежал Верный.

– Надолго памарга-то¹⁸, – заметил Фрол, – осеняет.

– Вишь, как вовремя управились, – угрюмо поговорил Степан, доставая рыбу из костра и обламывая с неё глину¹⁹.

Утром друзья позволили себе дольше поваляться в шалаше: дождь прекратился, но трава была мокрая.

– Пусть солнышко повыше заберётся, погрееет воду-то, тогда и поплывём, – проговорил Степан, не открывая глаз.

– Куда?! – Фрол представил, что ещё раз придётся преодолеть бурное течение ледяной реки и содрогнулся. Однако он понимал, что на этом берегу у них вероятность потерять свободу и даже жизнь возросла.

– На тот берег, Фролка, на тот берег. Будем русский кордон искать.

Вдруг пёс настороженно поднял уши и зарычал, и вскоре до слуха приятелей донеслись топот конских копыт, лихой свист и крики людей.

– Черкесы?! – воскликнул Степан.

---

¹⁸ Мелкий дождь.

¹⁹ Рыбу обмазывали глиной и запекали в золе.

Отец Агафон

Вечерняя прохлада легла на луга, старый яблоневый сад, просторный монастырский двор.... Отслужив вечерю, игумен вышел на свежий воздух, присев на скамью возле храма, задумался. «Камо пойду от скверного духа братии и от лица их, камо бегу? Ей, Господи, все сквернословы, особенно диакон – отец Агафон. Он вор и разбойник первостепенный: в Успенском соборе в образе Успения выдернул жемчуг, в венце нет камня голубого, на иконе Тихвинской Божьей матери не оказалось перлов, серебряное кадило тоже пропало.... Его рук дело. Ну, а как ревизия, чего доброго, нагрянет», – размышлял настоятель монастыря третьего класса отец Варавва. Он постоянно бил поклоны, молился за братию, за себя Господа просил, дабы не уволили его, злосчастливого игумена, за непорядочное управление сей обителью. А как управляться, если монастырь был исправительным²⁰, для провинившихся священнослужителей – кто за развращённость ума и сердца, кто за прелюбодейство, кто за воровство. Не монахи – сущие аспиды, беглые солдаты, а не святые отцы. Неисправимые грешники. Им нужен не отец Варавва, а хороший унтер с большой дубинкой. Кнут и цепи им, а не доброе слово пастыря, Господи, прости.

Правда, цепи в монастыре были заведены ещё тридцать лет назад, когда монах Варсанафий ограбил все монастырские кружки для подаяний и поджёг питейный дом в слободке. Тогда кузнецу заказали сделать цепи, укрепить их на столбе, подальше от храма, и время от времени, провинившиеся отцы, вслед за Варсанафием, приковывались к столбу и наказывались розгами, а то и кнутом. Однако перемен в их поведении чаще всего не происходило.

«Закоренелые безобразники», – вздохнул игумен и, перекрестившись, начал ночной обход келий. Почти все монахи почивали после неумеренных возлияний, и только отцы Акакий и Феофил с воспалёнными очами и рдяными лицами, резались в карты на интерес, не скупясь на безбожные выражения. Сие было делом привычным, и Варавву не очень беспокоило. А вот, что иеродиакона Агафона опять не было на месте, вызвало у игумена раздражение. Хотя сего следовало ожидать.

Накануне поздно вечером в монастырь, внезапно, яко тать в нощи, явился архимандрит – отец Вениамин. Он пришёл навеселе. Видно, гостил неподалёку в помещицкой усадьбе, выпил лишку, засвербело в одном месте чувство долга, и архимандрит решил проверить святость обители. И надо же именно той, где игуменом он, отец Варавва. А ведь поблизости ещё два монастыря: у Святого источника и в древних пещерах. Прибыв, архимандрит собрал полупьяных монахов и требовательно спросил, читала ли почтенная братия сего дня поучения святых отец. Не добившись внятного ответа, отец Вениамин решил восполнить этот досадный просчёт.

Выбор показать свою учёность пал на самого нерадивого иеродиакона. Иеродьякон Агафон был мужичина видный – огромного роста, с короткими руками-кувалдами и круглыми чёрными глазами с острым взглядом. Он возвысился над архимандритом и, не смиряя своего трубного баса, дерзко, без чину, прорычал:

– Аз есмь глазами слаб, очков же не иму.

Архимандрит потребовал Четы Миней и дал отцу Агафону свои очки. Диакон, возложив их на нос, по слогам, с заиканьем, запинками и длинными остановками, с трудом одолел одну

---

²⁰ Использование монастырей в пенитенциарных целях (то есть как мест наказания и исправления преступников, нарушителей общественного порядка) было распространённым явлением в истории России, корнями уходившим ещё в православную традицию Византии. Сам термин «пенитенциарный» в переводе с латинского означает «покаянный, исправительный». Он указывает на особенности церковного наказания по месту жительства или в условиях изоляции (в монастырях) в целях приведения преступника к раскаянию и исправлению. Использовало ссылку в монастырь и государство, законодательно оформив её правовое поле в XVIII веке и заметно усилив в ней карательную сторону. В документах Государственного архива о ссылке в монастыри настоятелей за «упущения по службе», других духовных лиц и семинаристов за плохую учёбу и лень.

страницу, чем сильно разгневал отца Вениамина, и тот в объездном журнале записал замечание игумену, отцу Варавве. Кстати, далеко не первое. Он, в свою очередь, наложил на провинившегося диакона епитимью трудную: три дня непрерывного моления в келье и по тысяче поклонов. И вот, сбежал, аспид! Игумен был вне себя от гнева, а гнев, как известно, тяжкий грех, который ему отмаливать и отмаливать.

На следующий день, в воскресенье, к отцу Варавве пришёл сиделец с жалобой опять же на отца Агафона. Что он в субботу, де, был в кабаке и просил в долг вина у его жены. Она в долг ему не дала, так как он ещё за прошлый раз ещё не расплатился. Тогда отец Агафон вскочил за стойку, изодрал на кабатчице рубаху и покусал несчастную.

– Позвать иеродиакона, – сердито приказал игумен послушнику.

Но тот Агафона не нашёл, и только к обедне мужики привезли его в монастырь из слободки, в телеге, с подранной харей и мертвецки пьяного. Назавтра он не явился к заутрене, а к обедне поспел заново пьяным. Очевидно, ещё что-то украл из монастырского имущества и променял на вино.

Отец Варавва распорядился после обедни при всей братии посадить нарушителя монастырского порядка на цепь. Сидя на цепи, Агафон рычал, аки дикий зверь, и делал страшные рожи, чем веселил монахов и жителей слободы, собравшихся на заднем дворе вокруг столба. Представление продолжалось до самых сумерек, пока Агафон не задремал, повиснув прямо на цепях.

«Ах, Агафон, Агафон... Страшило монастырское. Какой срам! Его именем уже детей в слободе пугают. Народ боится глазами с ним встретиться, не то, что разговаривать. Шарахаются, аки от гиены огненной. А обители какое поношение!», – сокрушался игумен, окидывая взглядом огромную тушу дьякона.

Последние дни стояли жаркие. В святой обители праздновался день святых апостолов Петра и Павла. Агафон, уже снятый с цепей, с такой радости сильно напился, пошёл на скотный двор и стал беспричинно тягать за волосы молодого послушника. А когда тот вырвался и убежал, полез к пастуховой жене на квартиру. Она, дрожа от страха, закрылась на щеколду. Диакон, выхватив из ограды тынину, ударил ею в окно, которое разлетелось в щепы. При этом он богохульствовал и сквернословил.

Молодица схватила ребёнка и хотела, было, бежать. Но отец Агафон стал бить её по лицу, потом по спине тыниною до тех пор, пока та изломалась. Тогда он, откинув плачущего дитяти в сторону, схватил пастухову жену за волосы, бил и таскал по земле. Как рассказывал послушник, притаившийся за овчарней, «бысть вопль и стенания несчастной до шестого часу». Понадобилась сила трёх человек, чтобы схватить отца Агафона, скрутить вервием и опять посадить на цепь.

Баба же, когда слободяне занесли её в горницу, уже чуть дышала. Тут же позвали знахарку, но если несчастная отдаст Богу душу, Агафону не миновать каторги. Неизвестно, понимал ли он это, но, будучи в цепях, на этот раз притих и даже как будто задумался.

Тут зазвонили к ранней обедне, и началась служба, которую отцы отслужили с удивительным тщанием и особым рвением, поскольку не хотели сменить на цепи иеродиакона.

После обедни игумен собрал братию у столба с Агафоном и в назидание велел того прилюдно выпороть. Когда диакона огрели кнутом в третий раз, он разъярился так, что вырвал крюки крепления и, пронёсся по обители, аки ветер, сбив по пути кастеляна, отца Мафусаила, который упав, по слабости и старости испустил дух. Затем диакон выскочил за врата, и... поминай, как звали.

– Ну, всё, – подумал отец Варавва, – кому Рождество Христово, а мне – Успенье. Можно сказать, что места я уже лишился. Спаси, Господи, – истово перекрестился неудачливый пастырь.

Разбойники

Агафон переправился через Дон с двумя мужиками, вплавь, держась за лошадь одного из них. Крестьяне были легко одеты, в лаптях и говорили, что на той стороне будет всё: и деньги, и лошади, и одежда, и вино хмельное, а главное – воля. Они стакнулись с попом на ярмарке, потом весело погуляли в кабаке. Событыльников прельстила немерянная сила отца дьякона. Он на спор под пьяный хохот зрителей гнул подковы, разгибал цепи и головой проламывал глинобитные плетни.

За беглым диаконом охотились. За несколько месяцев пребывания на Дону поп был замечен в бесчисленных кражах, грабежах и драках и даже получил прозвище – Дикий расстрига. Казаки не раз объединялись на его поимку, но каждый раз дьякон ускользал от них, как будто предчувствовал засаду.

Надо сказать, даже подельники его побаивались. Он в пьяном буйстве перед уже решённой переправой чуть не задушил кушаком одного из них, Семёна, который пытался отобрать у него бутылку с брагой.

Агафон, если не был пьян, то был недоволен, и тогда ворчал или поносил всех грязной руганью и богохульными словесами.

Малочисленная ватага за Доном, однако, успехов не добила. Она уже несколько месяцев тщетно носилась по степи, стремясь присоединиться к более крупной шайке, или, на худой конец, найти Агафону какого-нибудь коня. Семёну и второму подельнику, Асею, надоело по очереди возить его на своих жеребцах, чуют сзади себя его тяжёлое дыхание, нюхать зловоние, исходящее от его пропотевшего облачения, и слушать постоянное сквернословие «святого отца».

Тёмные дела, пьяные бесчинства, разбой, лжа не тяготили совесть заблудшей овцы Господа нашего. Главное для Агафона – утроба. И если она требует, он не остановится ни перед чем. «Яко сказано: василиск останется василиском, аспид – аспидом, прах – прахом», – часто приговаривал дьякон. А утроба его требовала и требовала всё новых «яств». Поскольку в Задонье беглецам не везло, они сговорились отправиться далее, за Кубань. Во-первых, там теплее, во-вторых – вольготней, а уж конями там и вином или бузой²¹, по которым все соскучились, у черкесов, разживутся точно.

Пока Семён с Агафоном, сидя у костра, обгладывали косточки зайца, Асей обследовал местность и принёс весть, порадовавшую его товарищей.

– Тут, недалеко, вёрст семь, того... черкесский аул. Подкараулим одного кого-нибудь и того... отберём у него коня. Я того... приглядел удобное местечко на кургане, в кустарнике, там и деревца есть. Засаду устроим, того, чо ли. Надоть нам, мужики, с вами... того, покумекать.

– А чо кумекать. Верёвку на шею, и с коня долой! – отпрыгнув зайчатиной, предложил Агафон.

– Так давайте сейчас и поедем туда, посмотрим, – оживился Семён.

Но на курган подниматься не пришлось. В полуверсте от них, как по заказу, появился всадник. Асей дал знак. Время! Дружки вскочили на коней и с гиканьем и свистом стали гнать черкеса. Тот помчался вдоль берега в сторону аула. Расстояние между людьми сокращалось, и разбойникам уже было видно, что преследуемый черкес – мужчина немолодой, рыхлый и для них не противник.

---

²¹ Разновидность хмельного напитка у черкесов.

Выхватив из подсумка верёвку с петлёй, Асей размахнулся. Вервь со свистом захлестнула шею черкеса и сдёрнула его с коня. Старик выпустил поводья и с хрипом свалился на землю. Семён погнался за конём, Асей и Агафон бросились к черкесу.

Степан и Фрол настороженно следили за происходящим из шалаша, успокаивающе поглаживая рвущегося наружу пса.

А тем временем разбойники пытались связать поднявшегося старика. Они снова сбили его с ног, но, падая, несчастный внезапно наклонил голову и нанёс обидчику удар в пах. Тот взвыл, – а в руках попа сверкнуло лезвие ножа.

– Ах, ты мать честная, – прошептал Степан и ужом скользнул из шалаша. Фрол не хотел ввязываться в чужую драку. Но, что есть, то есть, и он, ругнувшись, рванул вслед за Степаном. За ними бросился Верный.

Завертелся клубок разгорячённых дракой тел, злобное рычание и ругань перекрывались лаем пса. Ржали лошади. Степная пыль заволакивала побоище.

Разъярённый поп, недовольный тем, что ему помешали чинить расправу, замахнулся ножом на приятелей, но неожиданно Степан выхватил из-за пояса кинжал и вонзил ему в предплечье. Поп, озверев, здоровой рукой схватил Степана за грудки и, несмотря на могучую фигуру парня, приподнял его над землёй. Пёс вцепился врагу в ногу и повалил на землю.

Другой разбойник, крепко прижав черкеса к земле, начал шарить у него за пазухой, однако удар Фрола в голову опрокинул его навзничь.

Третий бросился седлать лошадь черкеса, но вдруг заметил вдали пыль из-под копыт множества лошадей. То по степи нёсся целый отряд всадников.

– Уходим! – воскликнул он, оставив коня старого черкеса.

Разбойники вскочили на своих коней и помчались прочь. Раненый Агафон ревел от злости: его крепко держал за ногу Верный. Хотя вот он, конь черкеса! Один скачок! Но видит око...

– Убери собаку, – прорычал поп трубным басом, уставившись на Степана острым немигающим взглядом.

– Иди, – безучастно проговорил Степан, послушно оттаскивая Верного от жертвы.

Агафон, не отводя от врага взгляда, встал и, затем, прихрамывая, устремился к реке.

– Ты что это... отпустил его? – заметив это, недоумённо взглянул на друга Фрол и хотел, было, догнать изверга. Но тот исчез.

– Пусть, – пробормотал Степан, удивляясь самому себе: зачем он это сделал? Непонятно.

Стон черкеса отвлёк его от мыслей. Друзья подошли к бедняге и, взяв под руки, стали его поднимать....

Подскакавшие к ним горцы, спрыгнув с коней, кинулись на защиту соплеменника. Но старик их остановил, что-то залопотав по-своему. Затем низко поклонился приятелям:

– Ви мой живот спасал. Благодарност будет. Поидем, поидем в мой унэ. Кушат будэм.

Черкесы

Черкесский аул, как и селенье староверов, был окружён общей плетёной оградой. Правда, только с трёх сторон: аул тянулся вдоль реки, которая была естественной защитой от врага. Войдя внутрь ограды, друзья увидели на краю селения площадь для молотбы хлеба – стояли снопы, скирды соломы и стога сена. Здесь же внутри ограды находилось кладбище. Как пояснил старик, это почитаемые могилы и священная роща. Действительно, могилы окаймляли несколько рядов деревьев. На ветвях некоторых из них висели разноцветные тряпочки.

Друзья, шли за стариком, с любопытством оглядываясь по сторонам. Всё вокруг удивляло. И усадьбы друг от друга на необычно большом расстоянии, и приземистые длинные постройки из плетня, обмазанного глиной, покрытые камышом или соломой, и ухоженные огороды, и с осенней позолотой густые сады. Те немногие жители аула, которые встретились им на пути, вели себя сдержанно. Делали вид, что каждый день видят русских. И только дети выглядывали из-за плетней, как мышки из норок.

Черкес провёл своих гостей через базарную площадь и нырнул в проход, увитый виноградом. Калиток между подворьями не было. Друзья, следуя за стариком, который вёл лошадь за узду, перемещались из одной усадьбы в другую через какие-то широкие лазы и ходы, пока спасённый не остановился перед своим домом. Он его назвал «унэ».

Дом был продолговатый, с несколькими отдельными входами. На главном дворе находились хозяйственные постройки, расположенные вдоль всего забора, по кругу: кухня, курятник, амбары для зерна, навесы и сарай. Через плетень друзья увидели скотный двор, по которому разгуливали козы, овцы и старый осёл. Навстречу хозяину выскочил безусый парнишка и, перехватив коня за узду, повёл его на этот двор.

В унэ хозяин гостей не пригласил, а проводил к отдельному маленькому домику со скамейкой вдоль наружной стены – кунацкой, и оставил одних.

Волнение, которое возникло от встречи с черкесским аулом, не покидало приятелей. Такой ли хозяин гостеприимный на самом деле, каким хочет казаться? А может быть, зазвал волк козу на пир?

Внутри кунацкой стояли низкие нары, табуретки, скамейки и несколько резных диванов, покрытых узорчатыми циновками с подушками. Посреди комнаты – деревянные низенькие столики о трёх ножках. На стенах развешано оружие: лук, расшитый колчан со стрелами, пашка, кинжал, короткоствольное ружьё. Пристенный очаг, над которым был сооружён плетёный, обмазанный глиной дымарь, не топился, и в комнате было прохладно.

Друзья сели на табуретки и с интересом огляделись вокруг.

– И чего наши с ними воюют? – недоумённо пожал плечами Степан, – люди как люди.

– Это потому люди, что ты жизнь старику спас. А встретились бы вы на бранном поле, снесли башку б тебе, не задумываясь, – откликнулся Фрол.

Вскоре дверь отворилась, и в кунацкую вошёл тот же парнишка. Он жестами показал на медный таз и кумган – глиняный кувшин с узким горлышком и откидным носиком. Друзья помыли руки, а мальчик, внесши хворост и сушёные кизяки²², очень ловко развёл огонь в очаге. В горнице потеплело, и вскоре показался другой парень, годами старше первого, худой и бледный, с анэ²³, на котором дымилось блюдо с бараниной. Он выходил и входил несколько раз с новым анэ. Мясо, сыр, каша, яйца, зелень всякая... Принёс и напитки – мёд и бузу. Следом появился довольный хозяин, переодетый в праздничную одежду, с ним несколько человек гостей. Он с гордостью представил их друзьям:

²² Кизяк – сушёный помёт.

²³ Анэ – низкий переносной столик о трёх ножках.

– Джембулат, аксакал, мудрый человек. Аквонуко, сосед, по-вашему хорошо знает. Джегуако²⁴, песню будет петь. Унеж и Алим, играть будут. Инал, сын мой, последний, – указал он на юношу, который накрывал столики.

– Пожалуста, кушат! – пригласил он всех к угощению.

Все сели, кроме Инала, который уносил и приносил столики с едой. Похоже, он здесь, чтобы прислуживать гостям. Хозяин вежливо предложил друзьям пересесть с табуреток на диван. Толмач Аквонуко пояснил, что на диванах сидят гости, а на скамейках и табуретках все остальные, которые пришли их почтить.

Пир начали с молитвы. Черкесы молились по-своему, приятели – по-своему. Все вознесли хвалу Господу и перекрестились. Друзья удивлённо посмотрели на присутствующих.

– Так вы христиане!?! – воскликнули в один голос.

– Кристане, кристане, – дружно закивали черкесы.

– Муса при крещении получил имя Михаил, а я Абрам, – пояснил толмач. Но меня родители звали по-нашему, Аквонуко. Так и пошло. А Муса был на войне.

– Уорк наш принял от турок ислам, и всех воинов переименовал по-арабски. Но мы христиане, с вами одной веры. Чтим Великого Бога и его мать – святую Марию.

Степан и Фрол заулыбались, и все приступили к трапезе. Они выпивали во славу Божью, во здравие родителей, в честь погибших друзей – каждый раз с большой торжественностью и почтением, словно совершая священнодействие. За новых кунаков тоже выпили, за Степана и за Фрола в отдельности. Те говорили мало, только приветливо улыбались, боясь словом или поступком вызвать недовольство черкесов.

Когда сменили десять анэ, музыканты вытащили из чехлов свои инструменты. У Алима, сивобородого и румяного, с лоснящимися от баранины губами, в руках оказалось что-то в виде балалайки, только длиннее и с двумя струнами – он назвал свой инструмент «шичепшин».

Унеж, широкобровый мужчина средних лет, поднёс к губам флейту – «камыль», – и Джегуако запел хвалебную песнь Богородице, в которой он её славил и просил о прощении грехов. Все перекрестились, а потом зазвучала весёлая музыка. Черкесы хлопали в ладоши и готовы были пуститься в пляс. Степану и Фролу, несмотря на необычность мелодии, игра музыкантов понравилась, и они присоединились к хозяевам. Затем Джегуако начал новую песню. Сосед переводил:

– Поёт, какие вы храбрые и добрые. Называет вас кунаками хозяина. Приглашает пожить в этом унэ. И каждый день будут приходить гости, чтобы беседовать с вами, трапезничать и веселиться.

Вдруг дверь кунацкой отворилась, и на пороге возник красивый молодой человек лет двадцати пяти, с гордой посадкой головы, вьющимися чёрными волосами и сверкающими глазами, следом за ним в дверь проскользнул юркий горбун в бешмете с чужого плеча и косящим левым глазом.

Хозяин представил их русским:

– Бек, уважаемый человек, уорк²⁵, у него много скота и рабов. Шаид, его сопровождает.

Уорк, снисходительно кивнув головой, поздоровался и, отломив кусочек сыра, нехотя его проглотил.

Шаид бочком присев за крайний столик с жадностью накинудся на пастэ.²⁶ Ел он неряшливо, то и дело, облизывая пальцы с обкусанными ногтями.

---

²⁴ Джегуако – народный певец и сказитель.

²⁵ Уорки – благородные дворяне, но в иерархической лестнице занимали невысокую ступень, являясь мелкими феодалами и дружинниками князя, хотя и имеющими и свои дружины.

²⁶ Пастэ – просыная каша, заменяющая адыгам хлеб.

Бек, выполнив требования приличия, нетерпеливо поглядывал на хозяина, и, улучив момент, попросил его выйти для разговора. Муса с достоинством ответил:

– Всею своё время. Ты видишь, у меня гости? Закончим беседу, и я тебя внимательно выслушаю.

Но дальнейшая беседа не сложилась. И Мусу, и остальных гостей смущало присутствие горделивого Бека. Выказав Степану и Фролу положенные знаки внимания, хозяин пожелал им спокойной ночи и вместе с гостями покинул кунацкую.

Наутро, изрядно выспавшись и позавтракав, друзья решили прогуляться по аулу. Но пришёл хозяин с толмачом и объяснил им, что пока гости находятся в кунацкой, им нечего бояться. А выходить за пределы его усадьбы опасно. Тем более, Бек грозился их убить.

– Гость гости, а ушёл – прости, – грустно ухмыльнулся Фрол.

– Но почему? Мы же ничего ему плохого не сделали, – возмутился Степан.

– Бек – состоятельный человек. У него кош²⁷ баранов и много лошадей. Ночью на его табунщиков напали казаки и угнали два гурта лошадей, – пояснил Аквонуко, – переправились через реку и погнали на север. Много казаков. Он злится. Мстить хочет.

Муса повторил ещё раз:

– Отдыхайте! И никуда, слышите, никуда не ходите!

– Это Шаид прознал, что у тебя в кунацкой гостят русские, – шепнул Аквануко Мусе, – и натравил Бека на них.

– Бек не может нарушить обычай и тронуть гостей в моём доме, но ему захотелось посмотреть на них. Мне, простому человеку, ссорится с уорком не хочется!

Когда Муса и Аквонуко ушли, друзья дали волю своему гневу.

– Убить, ты представляешь?! Не в честном бою, а как собак! – кипятился Фрол.

– Не мы угоняли его лошадей, а возможно такие же разбойники, как те, что напали на старика. Дядька Павел же говорил, что их в степи много. Может, даже с Дона они! – горячился всегда спокойный Степан, видно, забыв, что недавно они сами пытались угнать чужих лошадей.

– Надо отсюда убираться подобру-поздорову.

– Незаметно не уйдёшь. И кони нам нужны. А у них тут их вон сколько!

Все последующие вечера, неделя за неделей, картина повторялась: гости, ужин, песни. Правда и гости, и песни были разные. Но приятели заскучали.

– Фролка, надо что-то делать. Давай спросим Инала о конях. Да и ноги тебе надо лечить. Может у них тут знахарь какой есть, – беспокоился Степан.

– Давай думать, Стёпа...

---

²⁷ Для пребывания со скотом или табунами устраивались временные жилища – коши, кутаны в виде шалашей, балаганов, палаток. Кош обычно состоял из 3000—4000 голов баранов.

В ауле

Ночь друзья провели бессонную. Мысли лезли одна на другую и не складывались в действия. Утром, когда пришёл Инал, первый вопрос к нему был о лошадях. Черкес их понял и обещал помочь с покупкой.

– Вы уже собираетесь уходить? – поинтересовался он, – об этом с отцом поговорите. Вы его гости.

– Поговорим, поговорим, – буркнул Фрол.

К вечеру в кунацкую опять пришли люди. Первым явился Шаид. По-русски он не говорил и Аквонуко не было, однако, и без толмача, знаками гость попросил Степана показать ему кинжал, который висел у того на поясе, в стареньких ножнах, подаренных Мусой. Что уж в оружии он необычного увидел, друзья не поняли, но что-то не так: Шаид, внимательно рассмотрев кинжал, покачал головой и поспешно покинул кунацкую, даже не оставшись на ужин.

Восемь анэ приносил Инал гостям, но друзья заметили, что угощение оставалось почти не тронутым. Гости только пробовали каждое блюдо, чтобы не обидеть хозяина. Они перешёптывались и ждали... Ждали Джегуако, который в этот раз пел излюбленный всеми народами Кавказа «Сказ о нарте Сосруко».²⁸ Гостей собралось намного больше, чем в предшествующий вечер. Видимо пришли нарочно – послушать сказителя.

В кунацкой было очень тихо. Только звуки черкесской балалайки, голос Джегуако и чуть слышный – толмача: «Едва Сосруко одним прыжком соскочил с коня и схватился за гриву, как конь взвился звездой в облака и попытался с поднебесья сбросить с себя седока, вниз головой взвивался в бездну и вновь взмывал в небеса. Что только не делал конь! Скакал по крутым обрывам и ущельям, бросался в пучину океана, пролетал сквозь горные кольца, но седока сбросить с себя так и не удалось...».

Гости не расходились до тех пор, пока Сосруко не победил всех врагов.

– Ты видел, Фролка, как они слушали-то песельника их. И плакали, и смеялись. Как у нас песни о богатырях слепцы, калики прохожие, поют. Ходят по деревням и поют про Микулу Селяниновича, Илью Муромца, Добрыню Никитича. Слышал, небось? – Степану хотелось поговорить: воспоминания о прошлом тоска по родным местам переполняли его.

– Сказки всё, – равнодушно проговорил Фрол, уже засыпая.

Ночью поднялась буря, пошёл сильный снег. Заметало почти до обеда. Когда непогода утихла, Степан выглянул за дверь кунацкой. Снегу по колено. Расчищая дорожки, он обнаружил, что плетень около коновязи повалился. Степан, подобрав подходящий камень, принялся заколачивать вылетевший кол. Мимо него прошла черноглазая девушка, тоненькая, как ивовое деревце. Степан поймал её любопытный взгляд, но она мгновенно опустила глаза и смущённо отвернулась. И было в этом повороте головы что-то до боли родное. Вот также Степанидушка отворачивалась при их знакомстве, чуть-чуть прикрывая рукавом лицо.

Из унэ выглянул Муса, что-то быстрое и строгое сказал девушке, и она исчезла.

– Не надо, нет-нет, вы гости! – обратился Муса к Степану, забирая из его рук камень. – Инал уже несёт вам обед. Иди в кунацкую!

– Надоело уже гостить-то, – недовольно пробурчал про себя Степан.

Он угрюмо присел на диван, и в его невесёлые мысли всё время вторгалось белое личико с тёмными смешливыми глазами.

Последнее время дурное настроение часто овладевало друзьями. Всё идёт не так, как было задумано: коней они не нашли, к казакам не прибились, мало того, ещё оказались в плену

²⁸ Героический эпос, присущий всем народам Северного Кавказа.

у черкесов. А как иначе их положение назовёшь. Все добрые и ласковые, а за калитку выйти нельзя. Но девушка!

Степан смущённо достал образок. Вглядываясь в строгий лик Божьей матери, прочитал «Живые помощи», перекрестился, поцеловал образок... Не помогает!

Фрол в этот раз не мешал своему задумчивому другу, хотя обычно забрасывал его шутками и остротами. Сейчас и сам он был в печали. Размотав повязку на изъязвлённой ноге, он посыпал из кисета её пеплом и тяжело вздохнул.

Вошёл Инал с обедом. Степан спросил его о девушке.

– Дари, сестра, – кратко ответил он и, помолчав, добавил, – невеста Бека.

У Мусы было всего трое детей, хотя женился он дважды. Первая жена, мать Инала, скончалась от неизвестной болезни, которую воины привезли из похода. Тогда вымерла четверть селения. Дети, два сына, уцелели чудом – они гостили в доме тестя, из которого никто в поход не ходил.

И если первый раз Муса женился на девушке, которую ему сосватали родители, то второй брак был по страстной любви. Он боготворил свою жёнушку, ласковую и кроткую. И когда она умерла родами, оставив ему Дари, Муса поклялся, что больше не женится. И слово сдержал... Но дома не обойтись без женщины! И он пригласил к себе пожить бездетную сестру Хасинат. Она и стала Дари матерью.

Старший сын был воин, настоящий джигит. Подобных ему в дружине уорка Бека не было. Он пал в бою, оставив неутешную вдову с малолетним сыном, которые тоже жили в доме Мусы на своей половине.

Инал – боль отца. Слабый здоровьем, хромоногий юноша пытался не отставать от сверстников. Он был неплохой наездник, меткий стрелок. Но не эти мужские увлечения занимали его. Он интересовался совсем другим: собирал и записывал истории из жизни черкесов, старинные песни и сказания. Мусе не нравились эти занятия сына, но он понимал, что как воин Инал не прославит свой род. Эту надежду он связывал с внуком, который очень походил на своего мужественного отца.

Его любимица Дари была действительно предназначена Беку. Давным-давно, когда Муса, дружинник уорка, отвёл удар вражеской сабли от своего начальника, приняв его на себя, тот сказал:

– Если у тебя родится дочь, – я женю на ней своего Бека.

Старый уорк умер, а Бек, помня наказ отца, ждал, пока Дария повзрослеет. Теперь же, когда девушка расцвела, Бек и без воли отца жаждал заполучить её в жёны.

Однако Муса по происхождению тфэкотль.²⁹ Главным условием действительности брака является равенство происхождения. Уорк мог, конечно, жениться на дочери тфэкотля. Однако, по адату, муж передавал право высшего сословия своей жене, жена же не передавала своего сословия ни мужу, ни детям. Если Бек женится на Дари, она не будет обладать никакими правами. Но Муса был согласен на всё, чтобы породниться с дворянином.

Погода была пасмурная, и после обеда друзья уснули. А вечером опять были песни, разговоры, из которых друзья мало чего поняли и поэтому не смогли в них участвовать. Однако толмач изложил суть:

– Джигиты собираются в поход на бжедухов.

– Кто такие бжедухи?

– Наше племя.

– А чем они не угодили вам?

---

²⁹ Черкесское общество разделяется на следующие сословия: 1) пши (князь), 2) уорк (дворянин), 3) тфэкотль (среднее сословие свободных людей), 4) об (состоящие в зависимости от покровителей), 5) пшитль (подвластный хлебопашец, обрабатывавший землю своего господина), 6) ясырь (раб, дворовый человек).

– Скот пасут на нашей земле.

– Зачем воевать, да ещё со своими. Вам что, земли мало? – удивился Степан.

– Мы адыги, воины, – гордо ответил Аквонуко.

Перед сном Фрол, тяжело вздохнув, сказал:

– Уф, не могу больше. Надо что-то делать.

– Что говорить о деле? Ты, Фрол, ноги полечи. Скоро тягать их не сможешь, правая даже распухла.

– Завтра и займусь. Авось найдётся здесь знахарь какой-нибудь.

Степан помолился по своему обычаю и лёг. Но заснул он нескоро. В эту ночь впервые глаза у Степаниды были чёрные.

На следующий день Фрол сразу же спросил у Мусы, есть ли у них в селении лекарь или знахарь.

– Как не быть? Ест старуха одын. Сылно хорошо лэчит. А для чего?

– Ноги болят.

– Позову.

Муса вышел. Степан глянул в окошко: снег подтаял – во дворе образовалась длинная грязная лужа.

«Нужно отвести воду, подумал он», – и, накинув зипун, вышел из кунацкой. Сам нашёл в сарае заступ, проделал канавки и согнал по ним воду и талый снег. Закончил работу он скоро и даже огорчился: истосковались руки по труду. Весна придёт, крестьяне пахать-сеять начнут, а они с Фролом, неприкаянные, гостят в чужих дворах, а, может быть, и не гостят, а в плену...

Он занёс заступ в сарай, и сквозь щель в двери увидел, как во дворе опять показалась фигурка Дари. Она шла не спеша, ровненько-ровненько, на плече у неё был высокий кувшин, который она ловко придерживала рукой, отчего казалась ещё стройней и тоньше. Степан подумал: «Лет пятнадцать, наверное, дитя...». Но глаз не отвёл. Что-то в ней было такое, что приковывало его взор. И он смотрел на черкешенку до тех пор, пока она не скрылась из виду; и после ещё долго стоял с невидящими глазами, обращёнными внутрь себя...

Вывел его из задумчивости Верный, который потёрся боком о сапог хозяина и лизнул ему руку. Волна нежности, переполнявшая Степана, перекинулась на пса. Они долго играли. Даже в кунацкой были слышны смех Степана и радостное повизгивание собаки.

Усталый и весёлый Степан вошёл в дом.

– Фролка, а что мы такие страшные, волосатые, как дикари? Побриться бы надо.

– Ну и брейся, если хочешь. А мне не для кого прихорашиваться.

Слова Фрола заставили Степана сознаться самому себе, что Дария ему нравится, очень нравится. Он вынул из-под рубахи образок, перекрестившись, поцеловал его и виновато прошептал:

– Прости меня, Степанидушка.

Встреча с Беком

Дари с детства знала, что выйдет замуж за Бека, поэтому даже повзрослев, не испытывала к нему никаких чувств. Воспринимала его и будущее, связанное с ним, как данность, собираясь исполнить волю отца³⁰ с дочерней покорностью.

Дари росла самостоятельной девочкой: у отца не было времени с ней возиться, тётка, не имеющая своих детей, в воспитании делала упор на ведение домашнего хозяйства. И хотя она любила Дари, материнской нежности племяннице не давала. Тётка отличалась замечательным искусством в шитье одежды, вышивке золотыми и серебряными нитями. О ней говорили: «Скорее износится и изорвется само платье, чем лопнет шов, сделанный Хасинат». Дари училась у неё шить, вышивать, плести кружево...

А ещё тётка занималась её нравственным поведением: учила проявлять скромность, держаться достойно и оказывать почтение, быть сдержанной в выражении чувств и мыслей, как того требовал неписанный закон Черкесии.

У девушки было несколько подруг из семей таких же тфэкотлей, как и её отец. С ними она проводила свободное время, которого было не так уж и много. Ей так же нравилось играть, а позже и беседовать с Иналом. Он не жалел досуга для сестры. Но больше всего она любила волю и лошадей. Девушка была умелой наездницей, метко стреляла в цель и с охоты никогда не возвращалась без добычи.

---

³⁰ Согласие девушки на замужество требуется непременно, но оно не всегда служит выражением её собственного желания. Девушка, заключив из разговора присланной к ней депутации, что родственники на предварительном совещании уже решили выдать её замуж, изъявляет на то и своё согласие, руководствуясь в этом случае искони заведённым порядком. Впрочем, бывают случаи, что девушки пренебрегают своим сословным происхождением и положением в обществе и бросаются в объятия своего любезного – простого, незнатного человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.